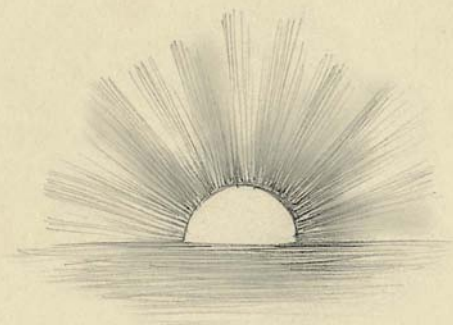

мифы & герои

Лейла Давлетшина

ОТ АЛЫПА ДО ШУРАЛЕ

*Главнейшие
персонажи татарской
мифологии*

художник
Алсу Тимергалина

УДК 398.2(=512.145)

ББК 82.3(2)-6

Д13

Автор иллюстраций *Алсу Тимергалина*

Давлетшина, Лейла Хасановна

Д13 От Алып до шурале. Таинственные персонажи татарской мифологии / Л. Х. Давлетшина ; иллюстрации А. А. Тимергалиной. — М. : Колибри, Издательство АЗБУКА, 2025. — 184 с. : ил.

ISBN 978-5-389-25698-9

Мы живем в домах, выходим за ворота и гуляем по дороге, не думая, что и у жилищ, и у дороги, и у реки или леса есть свой дух-хозяин. И пусть имена Хызыр Ильяс или Занки бабай звучат загадочно и даже настораживают нас, с ними можно мирно и плодотворно сосуществовать.

В этой книге собраны самые интересные персонажи татарской мифологии. Читая о них, можно понять и дух народа, и его историю.

Только зная свое прошлое, мы готовы к настоящему и будущему.

УДК 398.2(=512.145)

ББК 82.3(2)-6

ISBN 978-5-389-25698-9

© Давлетшина Л. Х., текст и состав, 2025

© Алсу Тимергалина, иллюстрации, 2025

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Колибри®

Оглавление

Предисловие	9
-------------------	---

Вступление

О татарах и не только.....	13
----------------------------	----

Татары — уникальный народ тюркской семьи.....	13
---	----

Что такое тенгрианство?	17
-------------------------------	----

Мир и его сотворение.....	20
---------------------------	----

От кого произошли тюрки?	25
--------------------------------	----

Алып — первопредок	27
--------------------------	----

Часть I

Хозяева и покровители.....	31
----------------------------	----

Йорт иясе	33
-----------------	----

Абзар иясе.....	39
-----------------	----

Занки бабай	43
-------------------	----

Гамбар-ана	47
Айша-Фатима.....	51
Хызыр Ильяс	57
Су иясе	63
Урман иясе	69

Часть II

Вредоносные и нейтральные духи 73

Аждаха	75
Албасты.....	81
Бичура.....	87
Джен.....	91
Дию	97
Йилбегэн.....	103
Пэри	109
Убыр.....	115
Уряк.....	121
Шурале	127
Юха	133

Часть III

Мифологизированные предметы и объекты 137

Волосы.....	138
Ворота	143
Дверь.....	146

Дорога	149
Матица	152
Ногти.....	155
Нож	158
Окно	161
Печь.....	166
Подкова.....	172
Хлеб.....	174
Заключение	176
Источники.....	178
Примечания	180

Предисловие

Мир татарской мифологии открывает перед нами не просто древние предания, а захватывающий калейдоскоп культурных традиций, погружающий нас в тысячелетнюю историю народа. Книга, которую вы держите в руках, создана для того, чтобы пригласить читателя в удивительное путешествие по миру древних верований и мифов татар, рождавшихся среди бескрайних степей, густых лесов и живописных рек; это история о том, как древние тюрки воспринимали мир и взаимодействовали с природой, какую роль в их жизни играли мифологические верования и как они повлияли на культуру современного татарского народа.

Книга приглашает читателей раскрыть тайны татарской мифологии, прикоснуться к магии фольклора, встретиться с добрыми и злыми мифологическими персонажами, познакомиться с верованиями, которые и сегодня находят отражение в жизни человека. Мы создали этот труд, чтобы мифология обрела новую жизнь, стала понятной и увлекательной для всех, кто готов к этому необычному путешествию.

Книга состоит из нескольких частей, и каждая из них обладает своей уникальной структурой и тематикой. Вступление рассказывает о татарах, их истории, древнетюркской религиозно-мифологической системе — тенгрианстве, а также о космогонических и генеалогических легендах, раскрывающих происхождение тюркских народов и представления об окружающем их мире.

Первая часть — «Хозяева и покровители» — посвящена духам-хозяевам, которые находятся рядом с человеком, защищают и помогают ему: *йорт иясе* оберегает дом, *абзар иясе* заботится о животных, *урман иясе* повелевает лесом и т.д. Здесь раскрываются их внешний облик, время и место появления, повадки, а также мифологические сюжеты, связанные с их проявлениями в жизни людей. Эти персонажи всегда олицетворяли порядок и гармонию, и сегодня они напоминают нам, как важно уважать окружающий нас мир и сохранять связь с традициями.

Вторая часть — «Вредоносные и нейтральные духи» — описывает существ, которые могут навредить людям или сохранять нейтралитет, пока их не потревожат. Здесь представлены такие персонажи, как *аждаха* — многоголовый дракон, *албасты* — ночной демон, *джен* — вездесущий персонаж нечистой силы и другие. Эти мифологические существа демонстрируют, насколько важной для древних людей была защита от необъяснимых угроз и какие правила нужно было соблюдать, чтобы сохранить гармонию с окружающим миром.

Третья часть — «Мифологизированные предметы и объекты» — рассказывает о явлениях вещественного мира, которые в народной традиции наделялись особым, сакральным смыслом. Здесь читатель узнает много нового о дороге, об элементах традиционного дома, частях тела, магических артефактах и других

объектах, играющих важную роль в татарской мифологии и повседневной жизни. Они подчеркивают глубокую связь народа с природой и системой его мифологических представлений.

Эта книга не просто сборник мифов и легенд, это история о том, как представления о мире, добре и зле менялись на протяжении веков, сохраняя при этом свою уникальную самобытность. Мы надеемся, что чтение книги не только откроет вам тайны татарской мифологии, но и поможет почувствовать магию древних времен, восхититься мудростью предков и увидеть переклички с современностью. Добро пожаловать в увлекательное путешествие по страницам истории и мифов!

Вступление О татарах и не только...

Татары — уникальный народ тюркской семьи

Татары — народ с уникальными традициями, культурой и языком, принадлежит к большой семье тюркоязычных народов. Основным местом их проживания является Республика Татарстан, но их исторические корни и современное расселение охватывают многие регионы России и даже другие страны. Чтобы понять, как формировалась их идентичность, мы должны отправиться в далекое прошлое, в бескрайние степи Центральной Азии, где и начинается история татар.

Истоки этой истории лежат в Великой степи — огромной территории, простиравшейся от Центральной Азии до Европы. В III веке до нашей эры здесь обосновалось племя хунну, грозные воины-кочевники, которые жили в юртах, отлично владели мастерством стрельбы из лука и внушали страх своим соседям. Настолько сильно внушали страх, что китайцы построили знаменитую Великую китайскую стену, протянувшуюся более чем на 21 000 километров.

Однако как единое племя хунну просуществовало недолго — около ста лет. В результате войн со своими соседями — китайцами — они разделились на две группы. Одни ушли на северо-восток, другие — на северо-запад. Некоторые исследователи считают, что западные хунну, двинувшиеся в Европу, стали известны как гунны. Эти кочевники под предводительством вождя Атилы завоевали множество земель и подступили к Константинополю — столице Восточной Римской империи. Империя гуннов простиралась от Балтийского моря до Кавказа. Но и она не устояла: к концу VI века гунны распались, оставив свои гены на обширных территориях. Именно они стали предками многих народов, включая татар, карачаевцев, чувашей, болгар и других.

Если западные хунну стали известны как гунны, то восточные хунну продолжили свое развитие в Центральной Азии. В середине VI века их потомки основали Великий тюркский каганат — одно из первых централизованных государств кочевников в Евразии. Его территории охватывали огромные пространства от Алтая и Тянь-Шаня на востоке до Черного моря на западе. Каганат объединил под своей властью множество разнородных племен, получивших общее название «тюрк». Тюрки были не только умелыми воинами, но и мастерами в добыче и обработке металлов. Они контролировали торговлю на Великом шелковом пути, а также захватывали земли, где раньше господствовали гунны. В результате новых завоеваний народы, входящие в состав Тюркского каганата, смешивались между собой. Именно из этой среды в дальнейшем сформировались современные тюркоязычные народы — казахи, кыргызы, туркмены, уйгуры и другие. Среди них впервые упоминаются и татары — в виде племенного союза «отуз-татар» (тридцать татар), название которого зафиксировано на надгробиях, найденных на территории Центральной Азии.

Однако в силу различных обстоятельств к VII веку Великий тюркский каганат распался, и на его месте начали формироваться новые государства. Одно из них, Великая Болгария, созданное кочевыми племенами болгар, существовало в Причерноморье

в VII веке нашей эры. После распада Великой Болгарии часть болгар под предводительством Аспаруха ушла на Дунай, где возникла Дунайская Болгария (предшественница современных болгар). Другая группа, возглавляемая ханом Котрагом, переселилась на территорию современного Татарстана, Ульяновской области и Чувашии, где образовалось государство Волжская Булгария. Именно здесь, в соседстве с финно-угорскими племенами, жили предки современных татар — болгары.

В 922 году Волжская Булгария официально приняла ислам — по инициативе болгарского правителя и при участии посольства халифа из Багдада. Этот шаг стал важнейшей вехой в истории: новая религия сыграла ключевую роль в формировании духовной культуры, письменности, науки и архитектуры региона. Благодаря арабо-персидской культуре значительно вырос уровень развития науки, появились ученые — математики, историки, медики, юристы и богословы, начала развиваться городская культура. Недаром Волжскую Булгарию называли «страной городов».

В XIII веке Волжская Булгария была завоевана монголами и вошла в состав Золотой Орды — обширного государства, охватывавшего территорию от Восточной Европы до Сибири. Основу населения Орды составляли тюркоязычные кипчакские племена, а болгары стали одной из ее оседлых групп. В условиях многонационального и многоязычного государства начал складываться общий золотоордынский литературный язык, который часто называют «поволжский тюрки». А с середины XIV века именно он начинает выполнять функции государственного, получив известность как старотатарский язык — предшественник современного татарского литературного языка.

Умай

Постепенно культура региона приобрела уникальный облик. На перекрестке оседлой и кочевой жизни, исламских традиций и тюркского мира начал складываться новый народ с глубокими историческими корнями и яркой культурой. Татары — это живое свидетельство тысячелетней истории, в которой переплелись Восток и Запад, традиции предков и веяния современности. Их культура и язык стали результатом длительного и сложного исторического пути, который продолжается и сегодня.

Что такое тенгрианство?

Несмотря на то что с начала X века главной религией татар становится ислам, в более ранние времена среди тюркоязычных народов была распространена другая система верований — тенгрианство. Оно сформировалось в условиях кочевого образа жизни и отражало тесную связь человека с природой, небом и землей.

Основу тенгрианства составляла вера в верховного бога Тенгри, который олицетворял собой бескрайнее голубое небо. Древние тюрки верили, что Тенгри — это божественная сила, создавшая небо, землю и всех живых существ. Этот всевидящий бог определял судьбу каждого человека, даровал здоровье и благополучие, и его нельзя было увидеть, но можно было ощутить в каждом проявлении природы. Изображали Тенгри в виде воплощения голубого неба, и тюрки считали себя его потомками — «голубыми тюрками».

Кроме Тенгри, особое значение в тенгрианстве имела богиня Умай — символ защиты, заботы и плодородия. Умай олицетворяла женское начало и была покровительницей рожениц и новорожденных. Она дарила духовную силу, которая, по верованиям тюрков, сопровождала человека на протяжении всей его жизни, помогая ему оставаться сильным и полным энергии.

Ыдук Йер-Суб

Мир древних тюрков делился на три уровня: Верхний мир, Средний мир и Нижний мир. Верхний мир принадлежал богам, таким как Тенгри и Умай. Средний мир представлял собой землю, где жили люди, и им покровительствовало божество земли и воды — Ыдук Йер-Суб. Оно охраняло тюрков и заботилось о природе, даруя защиту как людям, так и всем живым существам на земле и в воде. Ыдук Йер-Суб также руководил духами-хозяевами: духами лесов, рек, озер и гор, отвечающими за благополучие своих территорий.

Нижний мир был царством мертвых и подчинялся Эрлику, который считался властелином потустороннего мира. Души людей, совершавших злые поступки, отправлялись в царство Эрлика, тогда как добродетельные души возносились на небо. Эрлик символизировал как смерть, так и необходимость сопротивляться злу, что побуждало тюрков жить по законам Тенгри, быть честными и справедливыми.

Таким образом, тенгрианство представляло собой систему верований, которая учила жить в гармонии с природой, уважать ее законы и заботиться о родной земле и близких. Вера в Тенгри и другие божественные силы помогала древним тюркам понимать, как устроен мир, и стремиться к жизни в балансе и един-

Эрлик

стве с окружающим их пространством. Это была религия, где небо, земля и вода имели глубокое символическое значение, а человек был лишь частью великого космоса.

Мир и его сотворение

Космогонические представления, то есть легенды о рождении и устройстве Вселенной, всегда занимали особое место в мировоззрении народов. Тюркские народы, как и многие другие, хранили в своих мифах и легендах образы первых дней мироздания, стараясь осмыслить и объяснить процесс создания мира, земли и неба, а также появление людей. Эти мифы по-прежнему оживают в наших представлениях, становясь источником мудрости и образов, продолжающих удивлять и вдохновлять.

Согласно древним орхоно-енисейским памятникам, описывающим космогонию тюркских народов, а это памятники древнетюркского рунического письма Южной Сибири и Централь-

ной Азии, которые датируются VII–XI веками и названы так по месту находок в долине рек Орхон и Енисей, мир начинался с сотворения неба и земли:

*Когда было сотворено вверху голубое небо и
внизу бурая земля, между обоими были сотво-
рены сыны человеческие.*

Эти строки служат эхом самых ранних представлений о создании мира, показывая, что жизнь возникла между небом и землей, в пространстве, созданном для людей. В татарской версии этого мифа упоминается, что сначала были созданы Луна и Солнце, а затем — Небо и Земля.

*Әүвәл башлап ни бетте? —
Ай бетте дә көн бетте.
Икенчеләй ни бетте? —
Күк бетте дә жир бетте¹.*

*Вначале что сотворено? —
Луна сотворена, солнце сотворено.
После них что сотворено? —
Небо сотворено, и земля сотворена².*

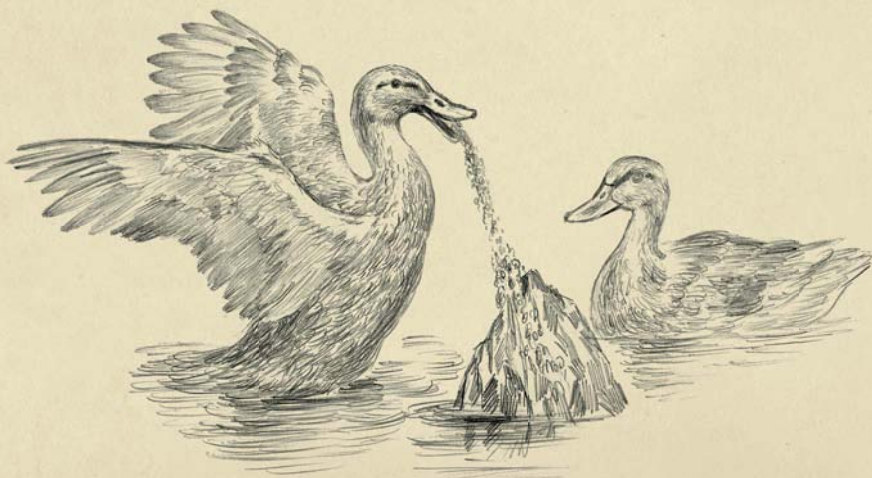
Поэтические формулы, передаваемые из поколения в поколение, отражают глубокую связь между природой и человеком, показывая, как постепенно из хаоса возникает упорядоченный мир.

Особенно интересен один из самых распространенных космогонических сюжетов — история о создании суши из кусочка земли, принесенного существом-ныряльщиком. Данный сюжет встречается у многих народов Северной Евразии и даже Северной Америки. В изначально водном мире, где не было ни земли,

ни людей, только воды и водные существа, однажды водоплавающая птица, будь то утка или лебедь, либо животное, например черепаха, решает нырнуть в глубины вод, чтобы достать комочек земли. Этот комочек постепенно разрастается и становится сушей, местом, где начинается жизнь.

Археологические находки, а также исследовательские работы показывают, что этот миф был особенно популярен среди народов Поволжья и Приуралья: татар, башкир, удмуртов, чувашей и других. В одной из легенд рассказывается, что в стародавние времена мир представлял собой сплошное водное пространство, и лишь водоплавающая утка, нырнув на дно, вынесла комочек земли, который постепенно стал разрастаться и превратился в сушу. Простота этого сюжета удивительно сочетается с глубокой мудростью, заложенной в нем. Идея о том, что из малого комка земли может возникнуть целый мир, символизирует мощь и потенциал жизни, ее способность к развитию и росту.

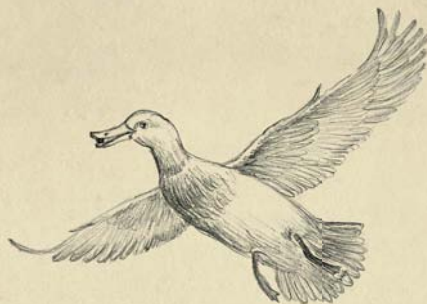

Более развернутая версия легенды, записанная российским тюркологом Николаем Федоровичем Катановым³ у сибирских тюрков, рассказывает о сотворении мира двумя утками. Первая утка, символизирующая созидательную силу, посылает вторую утку — дьявола — нырнуть за песком на дно реки. Принесенный песок она трижды рассыпает, и постепенно на этом месте появляется земля. Интересно, что в этой версии утка, несущая песок, пытается скрыть какую-то часть его, но он превращается в камни, которые затем становятся горами. Этот сюжет показывает борьбу созидательных и разрушительных сил, присутствующих в каждом акте создания, и подчеркивает значимость всех элементов мироздания, включая горы, которые первоначально были скрыты.

С приходом ислама мировоззрение татар претерпело изменения, и космогонические мифы адаптировались под новую религиозную реальность. В одном из религиозных текстов, записанном в XIX веке, Аллах создает озеро и велит утке достать со дна песок, который затем рассыпается по его воле, создавая землю и горы.

Алла кодрәте белән бер күл яратты. Ул үрдәккә боерды: «Ошбу күлнең төбөндәге комны жый», — дип. Аннан соң Хак Тәкалә тагы боерды: «Карынындагы комны дөнъяга чәч!» — дип. Аллаһ әмеренчә чәчте. Беркадәрсен үзәндә яшереп калды, «миңа ризык булсын» дип. Ул үрдәк тора торгач, шешенә башлады. Белде: «Бу ком миңа зарар бирүче нәрсә дип, калганын янә чәчте дөнъяга». Беренче тапкыр үрдәк томшыгыннан чәчелгән балчыктан жир шары, икенчесеннән андагы таулар, чокырлар барлыкка килде⁴.

Аллах своей волей создал озеро. Он велел утке: «Собери весь песок со дна этого озера». Аллах вновь велел: «Рассыпь весь песок по миру». Рассыпала она его

по велению Аллаха. Но спрятала небольшое количество у себя для пищи. Прошло немного времени, утка стала надуваться изнутри. Поняла она, что песок ей только вредит, и рассыпала все по свету. Из первой порции песка образовался земной шар, а из второй — горы и овраги.

В этом варианте утка теряет статус демиурга, превращаясь в помощника, который выполняет волю высших сил. Таким образом, адаптация мифов под мусульманские воззрения привела к изменению ролей мифологических персонажей, подчеркивая единую и всеобъемлющую волю Аллаха в создании мира.

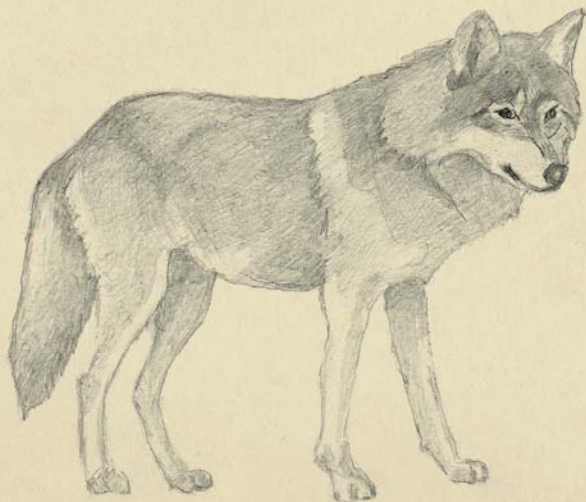

Мифы о создании мира из воды, о борьбе добра и зла, о воле высших сил, направляющих действия своих помощников, продолжают оставаться важной частью культурного наследия тюркских народов, в том числе и татар. Эти истории показывают, как из хаоса и бескрайних вод может возникнуть мир с горами, реками и равнинами, мир, в котором найдется место и для людей, и для других живых существ. Они напоминают нам о хрупкости и величии нашего мира, о тонкой грани между хаосом и порядком и о том, что даже самое маленькое действие может привести к великим изменениям.

От кого произошли тюрки?

Тюркские народы сохранили в своей культуре множество древних легенд и мифов, которые рассказывают об их происхождении и представлениях о мире. Эти истории, передаваемые из поколения в поколение, соединяют реальность и мифологию, объясняя, как тюркские народы видели мир вокруг себя и свое место в нем. Особое место в этих легендах занимает культ волка — таинственного и мощного существа, которое часто выступает как тотемное животное.

Одна из самых древних легенд, сохранившихся в китайских хрониках, рассказывает о племени Ашина из рода хунну. Когда их племя было уничтожено врагами, выжить удалось лишь одному десятилетнему мальчику. Его спасла волчица, которая приютила его в пещере в горах Гаочан (нынешний Турфанский оазис), расположенных в Восточном Тянь-Шане. Волчица родила десятирых сыновей, и каждый из них стал предводителем своего рода. Самый сильный из них стал вождем династии Ашина, которая в дальнейшем переселилась на Алтай и вошла в состав тюркских племен. Таким образом, род Ашина связывает свою историю с азиатскими хунну и передает представление о волке как о прародителе и защитнике своего народа.

Еще одна версия легенды, также зафиксированная в китайских источниках, касается племени тукю (так китайцы называли тюрков), которое отделилось от древнего государства Со⁵, и старейшина племени, Апанбу, стал их предводителем. У него было 70 братьев, один из которых был рожден от волчицы и звался Ичжини-нишиду. Он обладал необычайной силой и мог вызывать ветры и дожди. Его жена, дочь божества лета, родила ему четверых сыновей, один из которых превратился в лебедя и стал править владением Цигу⁶. Другой сын, Нодулу-шад, сплотил вокруг себя племена и был провозглашен их вождем, а его сын Ашина стал следующим государем. Легенда показывает, что тюркские народы видели в волке не только животное, но и важного мифологического героя, связанного с природными силами и жизнью целого народа.

Образ волка встречается в легендах разных тюркских народов — алтайцев, чувашей, хакасов и татар. Один из сюжетов рассказывает о том, как волк спасает заблудившихся среди гор и лесов людей. Этот сюжет символизирует, что волк не только грозный хищник, но и защитник, проводник, ведущий людей к спасению. Согласно исследованиям, образ волка прошел долгий путь, распространяясь с территории Тибета до Средней Волги и Урала, и стал одним из главных персонажей тюркской мифологии.

Со временем мифологические представления тюркских народов изменились под влиянием различных культур и религий, особенно ислама. Легенды о происхождении мира и людей стали интерпретироваться с точки зрения воли Всевышнего, и волк уже не был главным героем генеалогических мифов. Однако образ волка и связанные с ним легенды не исчезли полностью. Они продолжали жить в фольклоре, сохраняя воспоминания о древних верованиях, которые объединяли тюркские племена и создавали уникальную картину их представлений о мире.

Алып — первопредок

В фольклорной традиции тюркоязычных народов часть легенд об их происхождении связана с именем Алп (или Алып), которое впервые встречается в орхоно-енисейских надписях как титул или воинское звание. Оно упоминается и в древнетюркских словарях, включая словарь Махмуда Кашгари. В древнетюркском и современных тюркских языках, таких как татарский, казахский, узбекский, хакасский и др., слово «Алп» означает «батыр», «богатырь» или «исполин», символизируя воинскую доблесть и физическую мощь, присущую этому герою. Интересно, что слово «Алп» входит в состав имени одного из самых известных героев тюркского фольклора — Алпамыша. Различные версии эпоса

Алып

о его подвигах широко распространены на огромных территориях расселения тюркоязычных народов, что свидетельствует о его важности в их мифологической картине мира.

Некоторые мотивы эпического сказания об Алпамыше созвучны с мифологическими сюжетами об Алыпях, которые были широко распространены в период Волжской Булгарии. В них рассказывается о великанах и героях, чьи подвиги и мощь отражали идеалы народа. Образ волжского богатыря, перекликающийся с народно-эпическими традициями, представлен в трудах арабских путешественников Ахмада Ибн-Фадлана и Абу Хамида аль-Гарнати. В сочинении последнего воссоздается изображение исполина Алыпя:

И видел я в Булгаре человека, рост которого больше семи локтей, я доставал ему до пояса. Он был сильным: брал заколотую лошадь, и ломал ее кости, и рвал кожу и сухожилия быстро, в одно мгновение, я не мог бы разрубить ее с такой скоростью и топором. А царь Булгара изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну на повозке. А шлем у него из железа вроде большого котла. Он сражался такой огромной дубиной из крепкого дуба, которую не сможет поднять сильный мужчина, а она в его руках была как палка одного из нас⁷.

Образ Алыпя, описанный аль-Гарнати, во многом схож с изображениями богатырей народного эпоса и отражает эпические традиции тюркских народов, уходящие своими корнями в далекую древность.

В то же время представления об эпических богатырях, берущие начало в древнетюркской традиции, находились под влиянием ислама, который способствовал синтезу религиозной и народной культуры. По мнению фольклориста Ф. И. Урманчеева,

с X по XII век легенды о волжских великанах переживают известную эволюцию, под влиянием идеологии ислама происходит определенное их переосмысление, хотя само описание богатырей отнюдь не отрывается от традиций народного героического эпоса⁸.

Так, в болгарских генеалогических мифах Алып начинает восприниматься как потомок пророка Нуха (библейского Ноя), через его сына Яфета и внуков Тюрка, Газия и других. В этих легендах Алып становится прародителем болгар, а затем и татар.

Есть легенда о том, что из земли, высыпанной Алыпом из обуви, образовались возвышенности и холмы, однако в подобных легендах Алып представлен не как воин, а как пахарь-земледелец. Такие возвышенности в народной традиции до сих пор называют *Алып тавы* (Гора Алыпа), *Алып чабатасын как-кан жир* (Место, где Алып вытряхнул лапти) и др. Эти топонимы и легенды до сих пор живут в современной татарской культуре, подтверждая преемственность и глубину фольклорной памяти.

Таким образом, история татарского народа — это не просто череда событий, а увлекательное путешествие сквозь тысячелетия. От кочевников Великой степи до Волжской Булгарии, от мифов о тенгрианских богах до легенд об Алыпке — всё это звенья одной цепи, которая связывает древние времена с настоящим. Татары унаследовали богатую культурную и духовную традицию, вобравшую в себя опыт множества народов и цивилизаций. Понимание этого наследия помогает не только лучше узнать историю своего народа, но и осознать, насколько важна связь с корнями, традициями и окружающим миром. Ведь прошлое — это не что-то далекое и забытое, а основа, на которой строится наше будущее.

Часть I

.

Хозяева
и покровители

Ўорт иясе

В татарской мифологии *ўорт иясе* (хозяин дома — *тат.*) отводится место духа-хозяина дома и всех его обитателей. Он занимает важное место в народных представлениях и сопровождает семью всю ее жизнь — от заселения в дом до ухода в мир иной.

Для него характерны три основные ипостаси: невидимая, антропоморфная и зооморфная. В большинстве случаев *ўорт иясе* невидим, но иногда его внешний вид напоминает живых или умерших хозяина или хозяйку в светлой одежде. О его существовании судят по шуму, который он производит в доме. Если *ўорт иясе* издает стук молотка или звук швейной машинки, то быть дому богатым. Если постоянно слышится звук веретена, быть хозяину успешным. Если же дух по ночам начнет плакать и вздыхать, то жди беды. Также *ўорт иясе* может показываться в облике кошки и змеи. В облике кошки дух-хозяин проявляет себя как дух, беспокоящий и пугающий людей. Если же он показывается в облике змеи, то обязательно жди несчастья: обычно это предвещает смерть хозяина дома.

Среди наиболее характерных мест пребывания *йорт иясе* в жилище являются печь и пространство вокруг печи, а также чердак, подпол и порог. Места его обитания в целом соотносятся с сакрально маркированными частями дома, которые связаны с местами пребывания душ умерших предков и актуализацией символики границы своего и чужого.

Обычное время активизации *йорт иясе* — ночь или вечер. По ночам он ходит, хлопает дверью, шуршит, гремит посудой, а также производит специфичные шумы, которые в традиции связывают с его прогностической функцией. Именно стоном, шумом, плачем, завыванием он может предупреждать о приближающемся несчастье.

Поведение духа-хозяина напрямую зависит от отношения домочадцев к нему, от исполнения ими регламента, принятого в конкретной местности. Если его уважают, кормят, переносят в новый дом при переезде, то он покровительствует дому и его жителям, следит за порядком в хозяйстве, устанавливает определенные правила поведения людей, при соблюдении которых жизнь в новом доме будет благополучной.

Строго обязательным действием в традиционной культуре татар является обряд переселения *йорт иясе* в новый дом. В этом обряде заключена вера во взаимосвязь благосостояния дома и семьи и действий данного персонажа. Каждый дом имеет своего духа-хозяина, который обеспечивает благополучное сосуществование его жителей, поэтому в традиции принят

строгий запрет на оставление духа-хозяина в старом доме, поскольку именно с ним связана хорошая доля домочадцев.

Если *йорт иясе* идет «своим ходом», то хозяева в меру своих сил стараются стимулировать его скорое и благополучное вселение в новое жилище. В ожидании духа-хозяина возможно несколько вариантов действий: кашу, сваренную в старом доме, помещают в четыре угла подпола, выходят на улицу и, обратившись на юг, зовут хозяина на новоселье; хозяйка садится у двери в подпол, рассыпает зерно и читает молитву, и другие действия.

*Йорт атасы сарысакал,
Йорт анасы сылубикэ,
Ипи-тозың белэн жөр,
Тышта йөрмэ, өйгэ кер.
Йортка иминлек китер,
Тазалык, байлык китер.*

*Хозяин дома светлая борода,
Мать дома красавица,
Пребывай с хлебом-солью,
Не ступай на улицу, заходи в дом.
Принеси в дом благополучие,
Принеси здоровье и богатство.*

Если же *йорт иясе* переносят, то хозяин или хозяйка вносят различные его атрибуты (веник, кочерга, хлебная лопата), взятые в старом доме, в новый. Они размещают их в том месте, где по обыкновению живет *йорт иясе* (печь, подпол, порог и др.).

После размещения культурных символов в необходимых локусах проводится совместная трапеза, во время которой обычно

варят кашу и съедают ее всей семьей. Каша съедается всеми членами семьи молча, и на стол обязательно ставятся столовые приборы для духа-хозяина. На этом обряд переселения завершается.

На протяжении всей жизни хозяева поддерживают связь с духом-хозяином, поднося ему ритуальную еду (кашу, хлеб, зерно, соль), так как время от времени необходимо обновлять его благотворное воздействие. Если дух-хозяин обижен чем-то, он может прекратить оказывать помощь семье. В таких случаях возможны проблемы в хозяйстве, болезни среди домочадцев и даже неудачи, поскольку обиженный дух перестает защищать дом и его обитателей. Поэтому всегда внимательно следят за любыми необычными звуками — шорохами, гроыханием посуды, а также за изменениями в состоянии домочадцев, такими как болезнь, плач ребенка или беспокойный сон. Подобные явления часто воспринимаются как признаки недовольства духа, и игнорировать их бывает опасно, ведь это может привести к еще бóльшим бедам.

В ритуальной традиции татар можно выделить ряд обрядов, которые совершаются сразу же после переселения в новый дом, а также по мере необходимости — в течение жизни. В различных частях Республики Татарстан, например в Восточном Закамье, этот обряд известен как нигез боткасы (каша основания или фундамента дома), в Западном Закамье — ызба келәве (моление для избы), у татар Правобережья Волги — йорт гөрдәсе (угощение дома).

Региональные различия подчеркивают богатство и разнообразие обрядов, связанных с почитанием духа-хозяина. *Йорт иясе* выступает гарантом благополучия семьи, обеспечивая защиту и порядок в доме. Представления о нем сохраняются в современности как часть культурного наследия татарского народа. Мифологические рассказы о *йорт иясе* — это не просто страницы древних преданий. Они стали живым источником вдохновения для современных татарских писателей, которые видят в духе-хранителе глубокий символ связи поколений. В повестях и рассказах конца XX — начала XXI века *йорт иясе* становится не просто элементом фольклора, а символом порядка, семейного уюта и духовной опоры.

Одной из главных тем в прозе этого времени является тоска по родной деревне и стремление сохранить национальную идентичность. В центре многих произведений стоит образ родного дома — *нигез*, который связывает между собой прошлое, настоящее и будущее семьи. Именно через такую символику — «дух-хозяин дома — родной очаг — родная деревня — родная земля» — писатели подчеркивают важность сохранения духовных основ и традиционного мировоззрения татарского народа.

Сегодня *йорт иясе* стал символом чего-то большего, чем миф. В книгах татарских писателей он олицетворяет связь с предками, важность дома и традиций. Через его образ авторы напоминают: наша история живет не только в старых обрядах, но и в том, как мы храним память о них. Так мифологический персонаж учит нас ценить свои корни, ведь именно они, как прочный фундамент, держат и дом, и душу народа.

Абзар иясе

В татарской мифологии функцию духа-хозяина домашних животных выполняет загадочный персонаж, известный как *абзар иясе* (хозяин хлева — *тат.*). Он заботится о скотине и домашнем хозяйстве. В некоторых традициях этот персонаж может отождествляться с *йорт иясе*, перепоручая последнему свои функции.

Абзар иясе чаще всего имеет мужской облик и предстает перед людьми как светящийся высокий силуэт, лишенный четких деталей, или в виде черного жеребца или собаки. Неприметность и изменчивость добавляют таинственности его образу, делая его присутствие ощутимым лишь через специфические действия и влияние на животных.

Основным местом обитания *абзар иясе* является хлев, где содержатся домашние животные. Дух-хозяин живет исключительно на дворовой территории, не перемещаясь за ее пределы, и редко покидает хозяйственное помещение. *Абзар иясе* особенно активен в ночные и предрассветные часы, когда остается наедине с животными, независимо от времени года.

Абзар иясе не считается опасным, но способен проявлять избирательность в уходе за животными. Например, он всегда предпочитает животных «любимой масти», помогая им и ухаживая за ними, в то время как к остальным может проявлять равнодушие или даже причинять животному дискомфорт. Особенно он любит расчесывать и заплетать гривы лошадей, демонстрируя сильную привязанность к любимым животным.

*Абзар иясе яраткан атының
ялын уникашәр толым итеп үрә.*

*Абзар иясе заплетает гриву
любимого коня в двенадцать кос.*

Если животное ему не по душе, дух-хозяин может мучить его, лишая корма, заставляя бродить по хлеву, даже ездить верхом на нем. Существует поверье, что, если утром лошадь окажется покрытой потом, значит, ночью на ней катался абзар иясе, используя ее для своих целей.

Одна семья купила гнедого коня перед началом уборки урожая, но вскоре заметила, что он худеет несмотря на обильное кормление. Однажды хозяин хлева заметил темный силуэт, похожий на человека, стоящий рядом с лошадью. Оказалось, что абзар иясе перекладывал весь корм гнедого коня в кормушку белого любимца, поддерживая его в отличной форме, в то время как новый конь буквально таял на глазах. С тех пор жители той деревни стали особенно внимательны к выбору животных, зная, что дух-хозяин может не принять нового обитателя.

Среди татар широко распространено поверье о том, что человеку нельзя встречаться с абзар иясе, так как в этом случае он уйдет со двора и случится несчастье.

Считается, что каждое утро, входя в хлев, хозяину-человеку нужно покашлять, чтобы *абзар иясе* проснулся и спрятался.

Многие истории, передаваемые из поколения в поколение, рассказывают о проявлении *абзар иясе*. Один из таких случаев произошел, когда некий молодой человек неожиданно вернулся домой вечером и заметил в хлеву высокого черного жеребца. Конь показался незнакомым, глаза его горели, а уздечка блестела латунию. Парень поспешил в дом, чтобы узнать, чей это конь, но никто из домочадцев не знал о нем. Взяв лампу, он вместе с семьей вернулся в хлев, но коня уже не было. Отец юноши успокоил его, сказав, что это был *абзар иясе*, и напомнил: «Нельзя входить во двор внезапно, иначе дух-хозяин рассердится».

Мифологические рассказы о действиях *абзар иясе* рисуют его как неотъемлемую часть мифологического наследия татарского народа. Его уважительное, но своенравное отношение к животным требует от хозяев не только заботы о скоте, но и особого подхода к духу-хозяину.

Занки бабай

Занки бабай (дед Занки — *тат.*) — один из значимых мифологических персонажей в верованиях татар. Он почитается как защитник и покровитель крупного рогатого скота и часто выполняет функцию духа-хозяина домашних животных.

Распространение представлений о Занки бабае среди татар связано с культом исламского святого Занги-ата, который уходит корнями в древние времена, когда скотоводство играло ключевую роль в жизни тюркских народов. Его образ сформировался на основе синтеза древних тюркских верований и мусульманской традиции.

Хорошо известен исторический прототип данного персонажа, живший в XIII веке, — суфийский шейх Занги-ата, ученик суфия Сулеймана Бакыргани, бывшего учеником знаменитого Ходжи Ахмеда Йасави, основателя суфийского ордена Йасавийя. Легенды рисуют Занги-ата как пастуха ташкентских стад, человека с грубыми чертами

лица. Молва и предания приписывали последователям Занги-ата решающую роль в распространении ислама на территории Золотой Орды (Улус Джучи)⁹, сердцем которой было Нижнее Поволжье. Здесь находился политический, экономический и культурно-религиозный центр империи. Принятие ислама ханами Улуса Джучи в 60-е гг. XIII в., его распространение среди городского населения и принятие в качестве государственной религии (1313 г.) привело к активному строительству культовых сооружений и распространению идей суфизма на территории Поволжья.

В мифологии татар *Занки бабай* изображается как старец с длинной белой бородой, одетый в традиционную одежду скотоводов. Его внешний облик символизирует мудрость и защиту, часто его описывают как человека с темной кожей. В мифологических рассказах и легендах *Занки бабай* выступает в роли посредника между миром людей и миром духов.

Согласно традиционным представлениям, *Занки бабай* обладает особыми магическими способностями, которые позволяют ему исцелять больных животных и предотвращать их гибель. Он также может предсказать будущее и дать советы по уходу за скотом. В некоторых легендах *Занки бабай* способен превращаться в животных, что подчеркивает его связь с магическим миром.

Наиболее отчетливо почитание *Занки бабая* выразилось в устраиваемом в его честь специальном обряде *угыз боткасы*, который проводился сразу же после отела коровы. Прежде всего готовилось специальное ритуальное блюдо — *угыз*. Оно представляло собой лепешки из жидкого пресного теста, которое заводилось на первом после отела коровы молозиве с добавлением яиц. На трапезу обязательно приглашался мулла. Он произносил молитву, обращаясь к *Занки бабаю* с просьбой благополучия

только что появившегося на свет приплода. После молитвы устраивалось чаепитие. Этот обряд символизировал единство сообщества и обеспечивал благополучие всех его членов. В некоторых регионах также проводились специальные праздники в честь *Занки бабая*, на которых устраивались народные гуляния, песни и танцы.

Обряды, связанные с почитанием *Занки бабая*, включали в себя различные ритуалы, направленные на защиту скота и увеличение его численности. Одним из таких обрядов было окуривание скота можжевельным дымом или же окропление заговоренной водой. Эти ритуалы часто сопровождались молитвами и обращениями к *Занки бабаю* с просьбой о защите и благополучии.

Занки бабай!

Пусть будет жива-здорова моя скотина,

Пусть она вернется обратно домой,

Пусть жива-здорова будет,

Чтобы достаток был,

Чтобы еда-питье были.

Существует множество легенд, связанных с *Занки бабаем*. В одной из легенд он помог пастуху найти пропавшее стадо. В другой легенде *Занки бабай* явился к женщине, чьи коровы заболели, и научил ее, как приготовить лечебный отвар из местных трав. Следуя его указаниям, женщина смогла вылечить своих животных.

Занки бабай играет важную роль в мифологии и верованиях татар, отражая глубокую связь народа с природой и животным миром. Обряды и легенды, связанные с *Занки бабаем*, являются важной частью культурного наследия татар и продолжают передаваться из поколения в поколение.

Гамбар-ана

В мифологии татар Гамбар-ана (мать Гамбар — *тат.*) — святая, покровительница женщин, птиц и домашнего хозяйства. Есть такая загадка о пяденице:

*Гамбәр ана үз буе белән
жир үлчәп, хажга бара.*

*Гамбар-ана совершает хадж,
отмеряя землю в соответствии
со своим ростом.*

Согласно мусульманской традиции, она была женой среднеазиатского поэта Сулеймана Бакыргани в первом браке, второй раз она вышла замуж за другого известного шейха — Занги-ата.

Сулейман Бакыргани (ум. в 1186 в Хорезме), более известный под именем Хаким Сулейман (мудрый Сулейман)

или Хаким-ата, — историческая личность, достигшая уровня святого (*әулия*). Хаким-ата был одним из распространителей ислама и являлся прямым преемником знаменитого туркестанского суфия — Ходжи Ахмеда Йасави. Наибольшей популярностью его произведения пользовались не в Средней Азии, а в Поволжском регионе, а легенды о Хаким-ата и его жене Гамбар-ана распространились далеко за пределами Хорезма и нашли место в религиозных и мифологических представлениях татар.

Согласно легенде, они всей семьей, то есть с мужем Хаким-ата и детьми, прибыли в Сибирь из Аравии или Бухары и похоронены на местном кладбище — астана.

Поверья татар, проживающих в Сибири, во многом схожи с легендами, имевшими широкое хождение в Хорезме. К Гамбар-ана обращаются с мольбой о помощи бездетные женщины во время обряда поминовения по умершему святому (*катым укыту*).

В общей фольклорной традиции татар за Гамбар-ана закрепились функции покровительницы птиц, что, скорее всего, связано с уже знакомым нам образом другого мусульманского святого — Занги-ата, за которого ее выдали замуж после смерти Хаким-ата. Мы с вами знаем, что у народов Средней Азии и у татар в том числе Занги-ата считается хранителем и покровителем крупного рогатого скота. Спустя годы, видимо, взаимосвязь с именем этого святого изменила и положение его супруги, расширив ее роль в традиционной культуре татар. Так, до сих пор сохранилось поверье о том, что Гамбар-ана является покровительницей птиц и домашнего хозяйства вообще. К примеру, если в доме беспокойно, проводится следующий ритуал:

Прочитав аят аль-Курси, отрезают горбушку хлеба и кладут ее в устье печи со словами: «*Дәсимә әби, Гамбар ана, менә сезгә ризык. Минем йортыма тынычлык*

бир, минем хәерле гомеремне телә. Без бергә-бергә тынычлык белән куанып яшик» (Дасима аби, Гамбар апа, вот вам еда. Дайте моему дому покой, пожелайте мне счастливой жизни. Давайте жить вместе в спокойствии и радости).

Аят аль-Курси часто встречается в обрядовой и заговорной традиции татар. Он представляет собой 255-й аят суры аль-Бакара и назван так по причине того, что в нем упоминается слово *курси* (престол), которое олицетворяет могущество и абсолютную власть Аллаха над творениями. Это один из самых известных аятов Корана.

Образ *Гамбар-ана* наглядно демонстрирует, как в татарской мифологической традиции сочетаются исламские верования, элементы суфийского наследия и представления о мироустройстве, сложившиеся в повседневной культуре. Она предстает не только как супруга великого наставника, но и как покровительница женщин, птиц и домашнего очага. Ее культ, пройдя путь из Средней Азии до Сибири, органично вписался в местные традиции, обретя новые черты и обогатив татарский фольклор. Ритуалы, связанные с обращением к *Гамбар-ана*, продолжают существовать в современности, сохраняя глубинную связь с представлениями о духовной защите дома и семьи. Даже простое действие, как, например, оставление хлеба у печи с молитвенным обращением, становится выражением надежды на мир, благополучие и согласие, подтверждая живучесть и значимость мифологических представлений в народной памяти.

Айша-Фатима

В татарской мифологии *Айша-Фатима* — святая, покровительница женщин и целительница, способная избавить от разных болезней и недугов. Наряду с именами *Гайша-Фатыйма*, *Айша-Батман*, *Гайша-Батман* используются выражения *Гайшэ-Фатима кулы* (рука Гайши-Фатимы — *тат.*), *Гайшэ-Фатима име* (лечебное средство Гайши-Фатимы — *тат.*), *Гайшэ-Фатима теле* (заговор Гайши-Фатимы, досл. — язык Гайши-Фатимы — *тат.*), *Айшэ-Батман сулышы* (дыхание Айши-Батман — *тат.*).

Согласно мусульманской традиции, Айша была женой пророка Мухаммеда и носила почетный титул «Мать правоверных». Она считается знатоком Корана и шариата, свидетельницей последних лет жизни пророка. Фатима — его дочь, супруга Али ибн Абу Талиба, мать имамов Хасана и Хусейна, один из наиболее почитаемых женских образов в мусульманском мире.

Объединенный образ Айши и Фатимы приобрел черты легендарной личности и со временем превратился в объект народного почитания. Вокруг него сформировался особый культ, вобравший в себя как элементы официальной религии, так и доисламские представления. Вместе с исламом он проник и в духовную культуру татарского народа.

В традиционных верованиях татар Айша-Фатима почитается как святая, наделенная даром врачевания и заботы о детях. Ее образ связан с народной медициной: в заговорно-заклинательных ритуалах деревенские целители часто произносят ее имя, призывая на помощь. Считается, что Айша-Фатима покровительствует знахарям и передает им силу. Некоторые легенды представляют ее как пророчицу, другие отождествляют с Айшей, супругой пророка Мухаммада.

В одном из преданий говорится, что Айша и Фатима были сестрами-близнецами, обладавшими способностью к исцелению с самого детства. Однажды они спасли больного человека, после чего, по поверью, начали помогать людям и стали покровительницами всех, кто занимается врачеванием.

Если родятся девочки-близнецы, быть году урожайным.

В одной из легенд, записанной в Новосибирской области, рассказывается, что *Айша-Фатима*, обняв осину, оставила на ней следы своей крови. С тех пор отвар коры осины, взятой

с западной (женской) стороны дерева, используют для лечения бесплодия и других болезней. Такая кора считается особенно целебной, потому что в народном представлении в ней сохраняется сила святой.

В татарской фольклорной традиции имя Айши-Фатимы обычно встречается в заговорно-заклинательных текстах различного характера. Например, сохранились магические тексты, которые произносятся перед входом в лес с целью успешной охоты или сбора ягод:

*Киттек сунарга Аллаһы тәгаләм
Хәерле юллар булсын,
Безгә Гайшә пәйгамбәребез,
Фатима пәйгамбәребез
Яраткан Алла безгә күп мук жиләге бирсен,
Юлыбыз булсын, йөгәбез тулсын мук жиләге белән
Аллаһы тәгаләм гафу кылсын,
Аллаһы тәгаләм хәер итсен.*

*Пошли на охоту, мой Аллах,
Пусть удачной будет дорога,
Пророчица Гайша,
Пророчица Фатима,
Наш любимый Аллах пусть дадут нам много клюквы,
Пусть будет дорога, наполнится наш воз клюквой,
Аллах пусть нас простит,
Аллах пусть нас благословит.*

Имя Айши-Фатимы также активно используется в обрядах народного врачевания. К ней обращаются при лечении множества болезней и недугов. Примером может служить заговор, применяемый при лечении ребенка от испуга. Его произносят, похлопывая ребенка двумя руками по спине и груди в области сердца:

Әп, йөрәк, кайт, йөрәк!
Ай кайтты, син дә кайт,
Көн кайтты, син дә кайт,
Ат башыдай алтын йөрәк,
Куй башыдай көмеш йөрәк,
Урының тап, урының тап.
Имләмәсәм, миңа язык,
Им булмаса, сиңа язык.
Минем кулым түгел,
Айшә-Фатыйма аналар кулы.

Сердце, сердце, вернись на место!
Месяц вернулся, и ты вернись,
День вернулся, и ты вернись,
Золотое сердце размером с голову коня,
Серебряное сердце размером с голову овцы,
Найди место, найди место.
Если не вылечу, мой грех.
Если не излечишься, твой грех.
Не моя рука, а рука матери,
Айши-Фатимы.

Мотив «рука Фатимы», встречающийся в заговорно-заклинательных текстах татар, распространен во многих мусульманских культурах и имеет магико-охранительное значение. Считалось, что изображения руки или отдельных пальцев, особенно если они символически представляют руку святой, способны отводить дурное влияние. Отсюда происходит распространенная формула в заговорах: «*Минем кулым тугел, Айшә-Фатима кулы*» (Это не моя рука, а рука Айши-Фатимы — *тат.*) — она должна усиливать действие заклинания, передавая рукам целителя силу святой покровительницы.

Образ *Айши-Фатимы* в татарской мифологии — это живая часть народной культуры, тесно связанная с повседневной жизнью людей. Ее имя звучит в заговорах, заклинаниях и простых просьбах, отражая глубокую веру в ее защиту и помощь. Поколение за поколением в фольклоре, обрядах и верованиях образ *Айши-Фатимы* продолжает жить, сохраняя свою значимость и силу в сознании татарского народа.

Хызыр Ильяс

В системе низших мифологических персонажей татар *Хызыр Ильяс* традиционно относят к самостоятельным положительным персонажам. Он воспринимается как защитник, помощник и духовный наставник, который приходит на помощь в трудные моменты и предсказывает будущее.

Образ белобородого вечного путника *Хызыр Ильяс* занимает значительное место в культурной традиции тюркских народов. Его прототипами являются аль-Хадир (аль-Хидр, Хизр), распространенный образ в устных преданиях и мусульманской книжной традиции, и Ильяс — знаменитый коранический персонаж. Имя Хизр не упоминается в Коране, но большинство толкователей отождествляет его с «рабом Аллаха» — кораническим персонажем, который учил мудрости пророка Мусу (Коран 18: 59–81)¹⁰. Согласно мусульманской традиции, Хизр и Ильяс были оставлены Аллахом на земле. Они

испили живой воды, поэтому им дана вечная жизнь. Ильяс господствовал в горах и на морях. Хизр же путешествовал по землям, полям, морям, помогал заблудившимся и путникам.

В народном творчестве тюрков-мусульман эти два пророка воспринимаются как единое целое. Бессмертие как атрибут Ильяса и Хизра возводит этих персонажей в ранг сверхъестественных существ, способных покровительствовать людям, попавшим в экстремальные ситуации.

В традиции татар-мусульман представления о *Хызыр Ильясе* имеют повсеместное распространение. В зависимости от выполняемых им действий он может быть представлен как одиночным образом (*Хозер, Хозер Ильяс, Хозер Галәйһиссалам, Хосер баба*), так и парным (*Хосер и Хур кызы, Гозер и Ильяс, Хозер и Ильяс*). Эта двойственность символизирует его многогранную природу и расширяет роль и функции данного персонажа в народных верованиях.

Основная ипостась *Хызыр Ильяса* антропоморфна, чаще всего он показывается в облике белобородого старца в белой одежде и с посохом в руке. В мифологических рассказах он является человеку в строго определенных ситуациях (на дороге или в доме) для оказания помощи, для предсказания будущего или для испытания.

Однако имеются территории, где основной чертой *Хызыр Ильяса* становится отсутствие постоянного облика, способность показываться человеку в любом виде, его невидимость в повседневной жизни, а также наличие телесной аномалии (у него мо-

жет отсутствовать или большой палец на правой руке, или кость среднего пальца правой руки), по которой можно его узнать. Здесь он может быть как антропоморфным, так и зооморфным персонажем.

Помощь людям — постоянная функция данного персонажа, — он всегда помогает заблудшим путникам. В некоторых местах рассказывают, что для того чтобы избежать опасности, которая может возникнуть на дороге, необходимо вспомнить *Хызыр Ильяса* — он появится и помешает свершиться плохому. До сегодняшнего дня сохраняется устойчивое выражение, произносимое перед выходом в дорогу: «*Хозер Ильяс юлдаш булсын!*» (Пусть *Хызыр Ильяс* будет спутником! — *тат.*).

Другая форма взаимоотношения *Хызыр Ильяса* с людьми представляет собой наказание человека за отказ в помощи случайно забредшему в дом путнику или, наоборот, наделение его удачей и богатством, если он сам оказал помощь нищему, в чьем образе явился *Хызыр Ильяс*.

Например, в одном из преданий говорится следующее:

Хызыр зашел к отцу. Папа дал ему хлеб. Когда он ушел, его вещи остались. Это был Хызыр баба. У него на руке не было большого пальца. Он сказал: «Спасибо, живи на этом свете хорошо». Он ходил в старой одежде. Если выгонишь, то вовек не видать тебе счастья.

Прогностическая функция Хызыр Ильяса входит в число основных. Во многих преданиях Хызыр Ильяс предвещает грядущие события, как хорошие, так и плохие, что придает его образу черты провидца. Он может либо явиться во сне, либо встретиться наяву в облике человека или животного. «Наш зять так рассказывал. До смерти Брежнева это было. Он тогда шофером работал. В машину к нему сел старик. С белой бородой такой, старый человек. И он сказал, что скоро и Брежнев умрет, и СССР распадется... Так и случилось. Это был Хызыр Ильяс».

Его способность предсказывать важные события отмечается во всех исследуемых традициях. Вышеуказанные функции Хызыр Ильяса в татарской мифологии считаются основными. Однако в мифологических рассказах, записанных в последние годы среди татар, проживающих в разных регионах, имеет место и иная тенденция, ориентирующая исследователя на общетюркские черты этого персонажа. В различных этнических традициях татарского народа распространено предсказание природных явлений по действиям Хызыра. Интересно, что в подобном случае актуализируется одиночное имя персонажа. В некоторых местах считают, что можно начинать посевные работы, когда Хызыр взмахнет крылом. А иногда с вечера 19 апреля в снегу оставляют палку, чтобы утром по уровню снега прогнозировать приближение весны. Если снег немного растаял, то весна наступит рано, а если нет, то говорят, что «Хызыр еще не бросил палку или не взмахнул крылом».

У татар до сих пор существуют следующие приметы:

Пятого апреля Хызыр машет кнутом, значит, начинается оттепель, пятнадцатого апреля Хызыр машет палкой, чтобы с рек сошел весь снег и начался ледоход.

Образ Хызыр Ильяса в значительной степени соответствует народной мусульманской традиции тюркоязычных народов, исповедующих ислам. Он гармонично сочетает исламские религиозные элементы с древними тюркскими верованиями, что делает его особенно важным для народов, у которых мусульманская и доисламская культуры тесно переплелись. В мифологической традиции татар до сих пор повсеместно сохраняется вера в помогающего всем в трудной ситуации белобородого старца-путника, поэтому формула «Пусть Хызыр Ильяс будет спутником!» и ныне очень важна и для людей, далеких от традиции.

Су иясе

Су иясе (хозяин воды — *тат.*) — один из самых загадочных персонажей мифологии татар, дух-хозяин водной стихии. Его называют разными именами (*су анасы* (мать воды — *тат.*), *су атасы* (отец воды — *тат.*), *су бабасы* (дед воды — *тат.*) и др.), которые отражают различные образы и ипостаси этого мифического существа, что делает его по-настоящему таинственным и многоликим.

Интересно, что *су иясе* может быть как мужчиной, так и женщиной. Его образ меняется в зависимости от того, в каком виде он появляется перед людьми и какие задачи выполняет. Мужской и женский аспекты существа имеют свои особенности, которые добавляют мифологическим рассказам ярких красок и помогают лучше понять характер и поведение этого духа.

Внешность *су иясе* варьируется от ситуации к ситуации. Мужской образ часто описывается как красивый мужчина с длинными черными волосами, которые блестят на свету. Женская версия — это высокая, худая женщина с длинными золотыми или зеленоватыми волосами, которые переливаются при свете луны. Никто точно не видел, есть ли у *су иясе* ноги или хвост — этот момент всегда остается покрытым тайной. *Су иясе* способен принимать и другие облики: быка или водоплавающей птицы. Иногда он выходит на берег и прогуливается, словно обычный человек, смешиваясь с толпой. Это превращает духа в неузнаваемую, но всегда загадочную фигуру.

Су иясе живет в водоемах — реках, озерах, родниках. Его дом всегда находится под водой, в тайных глубинах, которые скрыты от человеческого взора. Ночью он может выйти на поверхность, особенно в полнолуние, и наблюдать за тем, что происходит на берегу.

Су иясе известен своими необычными проявлениями. Например, весной можно услышать странные звуки, исходящие от водоема, — это считается признаком его присутствия. Иногда *су иясе* в женском обличье сидит на берегу и расчесывает свои золотые волосы, что привлекает внимание и даже гипнотизирует тех, кто случайно на нее наткнется. *Су иясе* может забрать человека в свою подводную обитель, и тогда на груди таких утопленников появляется черное пятно — оно говорит о прикосновении духа.

В традиционной культуре современных татар по отношению к воде до сих пор существует определенная система регламентов как запретного, так и разрешительного характера. Самый распространенный запрет — нельзя пачкать воду,

нельзя у воды ходить по нужде. При неисполнении этого запрета *су иясе* насылает на человека болезнь, называемую *су тоту* (букв. — схватила вода, поймала вода), после чего человек неизлечимо заболевает.

Для того чтобы не попасть под вредоносное воздействие при переправе через реку, необходимо положить в воду соль, монету, волос с головы или нитку от одежды и произнести один из вариантов заговора, например,

*Су энекэем, су этекэем,
Мин сиңа тимим,
Син миңа тимә.*

*Мать воды, отец воды,
Я тебя не трону,
Ты меня не трогай.*

Но если все-таки случилось так, что человек нарушил этот запрет и заболел, болезнь, ниспосланную духом-хозяином, может исцелить только знахарь с помощью специального ритуала. Основная схема лечения подобных недугов однотипна, варьируется лишь содержание обряда: надо пойти к водному источнику (лучше всего к тому месту, где по предположению произошло несчастье). Подойдя к воде, произнести специальный магический текст, оставить приготовленные жертвенные предметы (хлеб, зерно, соль) и молча, не оглядываясь, уйти. Во время произнесения заговора-просьбы обращаются не только к духам-хозяевам воды, но и к остальным хозяевам природных локусов:

*Су анасы — сылу сакал,
Жир анасы — жирэн сакал,
Күк анасы — көрэн сакал,
Мине ашама, мине эчмэ,
Шушыны аша, шушыны эч,
Миннэн көткәнең шул булсын,
Име-томы шушы икэн,
Табылмыйча тора икэн.*

*Мать воды — красивая борода,
Мать земли — рыжая борода,
Мать неба — серая борода,
Меня не ешь, меня не пей,
Вот это ешь, вот это пей,
Пусть это будет все, чего ты ждешь,
Лечением пусть это будет,
Не могут найти оказывается.*

Второй запрет, относящийся к воде и регламентирующий поведение человека, связан с необходимостью обходить водоемы стороной в темное время суток. Нарушение покоя *су иясе* может навлечь его гнев. Если рано утром на восходе солнца идешь к роднику за водой, то обязательно надо поприветствовать *су иясе* и попросить у него разрешения. Иначе можешь навлечь на себя беду (упасть и покалечиться, пролить воду и т.д.). Данные обряды и поверья, являющиеся рудиментами сложных мифологических ритуалов, нацелены на обеспечение благополучия жизни людей, нормального воспроизводства хозяйства.

Су иясе — строгий, но справедливый покровитель водоемов. Он следит за порядком и может помочь, если к нему обращаться с уважением и соблюдать традиции. Однако, если кто-то нарушает правила, дух может наказать. Весной он может забрать в жертву одного человека, если никто не задабривает его вове-

мя. Вода, подконтрольная *су иясе*, может менять направление по его воле, что подчеркивает его силу и контроль над стихией. Также известно, что *су иясе* может помогать рыбакам, если они соблюдают все обряды и приносят ему подношения.

Одним из ярких сюжетов, связанных с *су иясе*, является история мельника, который забыл принести жертву духу-хозяину. *Су иясе* начал пугать его: ночью стучал в дверь, крича, что убьет мельника, если тот не выполнит обещанное. Долгое время мельник игнорировал предупреждения, и *су иясе* начал портить мельницу, сдвигая водяное колесо. Только после того, как мельник снова принес жертву, дух успокоился.

Еще один сюжет рассказывает о мальчике, который нашел золотой гребень *су анасы* (женского воплощения духа-хозяина), забытый на берегу. Ночью дух пришел к дому мальчика, прося вернуть гребень. Испуганный мальчик сначала не знал, что делать, но потом по настоянию матери вернул находку. *Су анасы* поблагодарила его и тем самым показала, что уважение и честность всегда вознаграждаются.

Есть и более трагические истории, например про девочку-сироту, которую приманил *су иясе*. Она каждый день приходила к воде, чтобы повидать духа-хозяина. Люди поймали духа и заперли его вместе с девочкой в клеть. Девочка так привязалась к *су иясе*, что уговорила своего брата освободить их обоих. В итоге они ушли вместе, и теперь их поющий голос можно услышать на рассвете у озера.

Су иясе — это одновременно заботливый и опасный дух, который напоминает о важности уважения к природе. В мифах о нем переплетаются страх и восхищение, а также осознание, что вода — это не просто элемент природы, а нечто живое, требующее внимания и уважения. Соблюдение правил, связанных с водоемами, помогает сохранить гармонию между человеком и духами, которые живут рядом с нами, но остаются скрытыми от глаз большинства.

Урман иясе

Урман иясе (хозяин леса — *тат.*) — так татары называют духа-хранителя леса, его хозяина и защитника. Он может быть как мужского, так и женского пола, в зависимости от того, как он решит явиться перед человеком. Чаще всего дух предстает в образе пожилого мужчины или женщины. В некоторых преданиях урман иясе и вовсе не принимает облик человека, а превращается в старый дуб, стоящий среди лесной чащи. Каждый элемент внешнего облика символизирует связь с природой и таинственность лесного мира, где каждое существо и каждая травинка — часть единого целого.

Основное место обитания урман иясе — это лес. Особенно часто этот дух встречается на опушках или, напротив, в самых густых чащобах. Именно здесь, среди древних деревьев, он следит за порядком и охраняет лес от непрошенных гостей. Урман иясе становится активным, когда солнце начинает клониться к закату. В это время, когда лес окутывается таинственным сумраком, считается особенно важным соблюдать правила поведения, чтобы не вызвать его гнев.

Урман иясе помогает и вознаграждает тех, кто с уважением относится к лесу. Он любит, когда люди здороваются при входе в лес, благодарят за дары и прощаются, уходя. Если человек войдет в лес с добрыми намерениями и уважением, *урман иясе* вознаградит его безопасным и спокойным пребыванием. Говорят, что хозяин леса особенно любит хлеб, поэтому те, кто берет с собой кусок хлеба, могут рассчитывать на его благосклонность. Иногда он любит пошутить — подает голос и сбивает с дороги тех, кто не проявил уважения.

Чтобы не вызвать недовольство *урман иясе*, посетители леса должны придерживаться определенных правил поведения. Никому не следует на закате оставаться в лесу в одиночестве, ломать ветви, рвать траву без надобности или проявлять агрессивное поведение. Соблюдение этих ритуалов помогает поддерживать гармонию между человеком и природой и защищает от возможных неприятностей, которые может устроить *урман иясе*.

В народной традиции существует множество легенд и преданий, связанных с *урман иясе*. Одна из известных легенд повествует о договоренности волка и хозяина леса.

Как только волк появился на свет, он возжелал стать самым грозным существом и съедать всех обитателей леса. Чтобы воплотить свою волю, волк отправился к *урман иясе* за разрешением. Добравшись до него, волк попросил ярлык, разрешающий съедать всех существ на своем пути. *Урман иясе* позволил волку попытаться следовать его желанию, но при этом предсказал, что тот не справится.

Волк вышел на дорогу, вскоре встретил человека и захотел его съесть. Человек оказался хитрым и сказал, что волку, способному есть людей, полагается иметь хвост длиной в восемь

ладоней. Поверив словам человека, волк повернулся, человек воспользовался моментом и оглушил его.

Спустя несколько дней волк снова отправился к *урман иясе* за помощью. В ответ на его жалобы хозяин леса решил помочь волку, наделив его быстротой ног, чтобы он мог избегать встреч с людьми. С тех пор волк охотится в лесу подальше от людей, а когда случайно оказывается рядом с ними, удивляется, что все его боятся и кричат: «Волк, волк!», даже если он никого не трогает.

Сила и мудрость *урман иясе* проявляются через его заботу о лесных обитателях и поддержании порядка. В преданиях рассказывается, как дух леса наказывает людей, не следующих правилам поведения. Один из таких примеров — история женщины, отправившейся в лес за калиной. Она собрала одно ведро ягод и вернулась за другим, не попросив разрешения у *урман иясе*. Когда же вернулась за оставленным ведром, обнаружила, что ведра нигде нет. Тогда женщина поняла, что совершила ошибку и не проявила должного уважения к духу-хозяину леса. Исправляя оплошность, она вывернула платье наизнанку и попросила у *урман иясе* позволения выйти из леса. В тот же миг ведра вновь появились, и женщина смогла покинуть лес с миром.

В другой истории рассказывается, как девочка с братом отправилась в лес за травой. Пока брат косил траву, девочка заметила черную фигуру, которая притаилась за кустом и подглядывала за ними. Увидев людей, фигура тихо удалилась, словно не желая причинять им вред. Девочка была уверена, что это был *урман иясе*, который лишь наблюдал за ними и ушел, увидев, что они не нарушают порядок в лесу.

Урман иясе — это не просто дух, а хранитель и защитник леса, напоминание о том, как важно уважать природу и соблюдать традиции. Лесная стихия жива и мудра, и каждый, кто входит в нее с почтением, может надеяться на защиту *урман иясе*.

Часть II

•

Вредоносные и нейтральные духи

Аждаха

Аждаха (*аждаха*) — это огнедышащий многоголовый дракон, живущий на отдаленных горных вершинах и островах посреди океана. Его яростный хвост, источающий пламя, и широкие крылья приводят в трепет каждого, кто его видит. Он может быть как мужского, так и женского пола.

Образ *аждахи* появился в эпоху зороастризма (VII–VI вв. до нашей эры) и распространился в мифологии иранских и тюркских народов. Зороастризм — это религия, которая возникла в северо-восточном Иране и распространилась в древности и Средневековье на территории современного Ирана, Афганистана, Центральной Азии и Azerbaijan. Ее основным концептом является кардинальное противопоставление фигуры верховного божества Ахурамазды и пантеона древних индо-иранских божеств, а также дуалистическое противопоставление Светлого и Темного начал мироздания.

Откуда же появляется *аждаха*? По мифологическим представлениям татар, змей, проживший сто лет, накапливает необыкновенную мощь и становится все более опасным, превращаясь в ужасающее существо, которое и называют *аждаха*. Его сила и зловещая репутация стали предметом многочисленных народных легенд, которые передаются из поколения в поколение.

Согласно древним легендам, каждое лето, когда силы *аждахи* достигают наивысшего уровня, его появление предвещает катастрофы и бедствия для целых селений. Люди рассказывают, что он похищает молодых девушек, насылая ужас и разрушения. Противостоять этому гиганту могут лишь самые могущественные герои — *батыры* (храбрые воины, силачи в фольклоре и быту тюркоязычных народов), которые, сражаясь с ним, используют свою нечеловеческую силу и ловкость. Обычным же людям остается только одно: держаться как можно дальше от логова, ведь его острые зубы и хвост представляют смертельную опасность.

Однажды, давным-давно, в одной деревне произошла трагическая история. Был жаркий летний день, и сельчане трудились в поле, занимаясь привычными работами. На высоком горном хребте неподалеку пастух пас свое стадо овец и, поддавшись знойной дремоте, уснул. Внезапно его разбудил гул, который доносился из-под земли. Все вокруг резко потемнело, и казалось, будто сама земля застонала, содрогаясь. Ветер, который пронесся сквозь горы, свистел так громко, словно он явился из самой преисподней. Гул усиливался, и пастух, вскочив от страха, увидел, как гора перед ним раскололась, выпуская наружу огромное и страшное существо. Это был не кто иной, как *аждаха*, которому были чужды жалость и милосердие.

С громоподобным ревом, наполнив воздух ужасом, *аждаха* начал поглощать людей, которые трудились в поле. В это время на небе появилось темное облако и, словно подчиняясь воле небес, стало поднимать чудовище в свои грозные недра. Однако удержать столь могущественного змея оказалось нелегко: он из-

вивался и, хлестая своим длинным хвостом, раскалывал горы во-круг. Тогда на помощь подоспело второе облако — светлое, словно посланное защитить землю от его разрушительной ярости. Два облака, казалось, боролись друг с другом за *аждаху*, и наконец, поддавшись мощи этих небесных сил, змея унесло прочь на далекий остров, и он исчез, вернув спокойствие окрестным землям.

Еще одна легенда об *аждахе* гласит, что когда-то давным-давно хан решил перенести город Казань к подножию Змеиной горы. Двое старейшин и юный сын хана отправились осмотреть новое место для строительства города. Им приглянулись эти земли, но близость змей, обитавших на Змеиной горе, делала строительство невозможным. Хан решил очистить окрестности от змей, но на улице была зима, и змеи спрятались в недрах горы. Воспользовавшись тем, что змеи были глубоко, жители собрали огромное количество соломы и дров у подножия горы и сложили их в высокие кучи.

С наступлением весны змеи начали выбираться из своих убежищ, и батыр, верхом на своем скакуне, поджег кучи соломы и дров. Яркое пламя охватило всю округу, и большая часть змей сгорела в этом страшном огне. Но один из них, двуглавый *аждаха*, выжил и, окрыленный злобой, бросился на батыра, спасаясь от огня. Стараясь защитить себя, батыр устремился прочь

от горящего поля, но *аждаха* не отставал. Погоня продолжалась на многие версты, пока, наконец, у края глубокого оврага батыр не потерял свои силы и его лошадь не споткнулась. Тогда настигнутый чудовищем батыр пал, но не сдался: он успел нанести змею несколько мощных ударов своим ядовитым копьем. От полученной смертельной раны *аждаха* погиб, и земля была наконец очищена. Так на освобожденном месте основали новую Казань. Память о змеином прошлом этих мест сохранилась и в других преданиях. На гербе современной Казани изображен Зилант — драконоподобное существо, в котором многие узнают того самого *аждаха* или его сородича.

Во многих легендах и преданиях татар рассказывается о так называемой Старой Казани (Иски-Казань) — одном из городов Казанского ханства. Иски-Казань считается предшественницей

Батыр

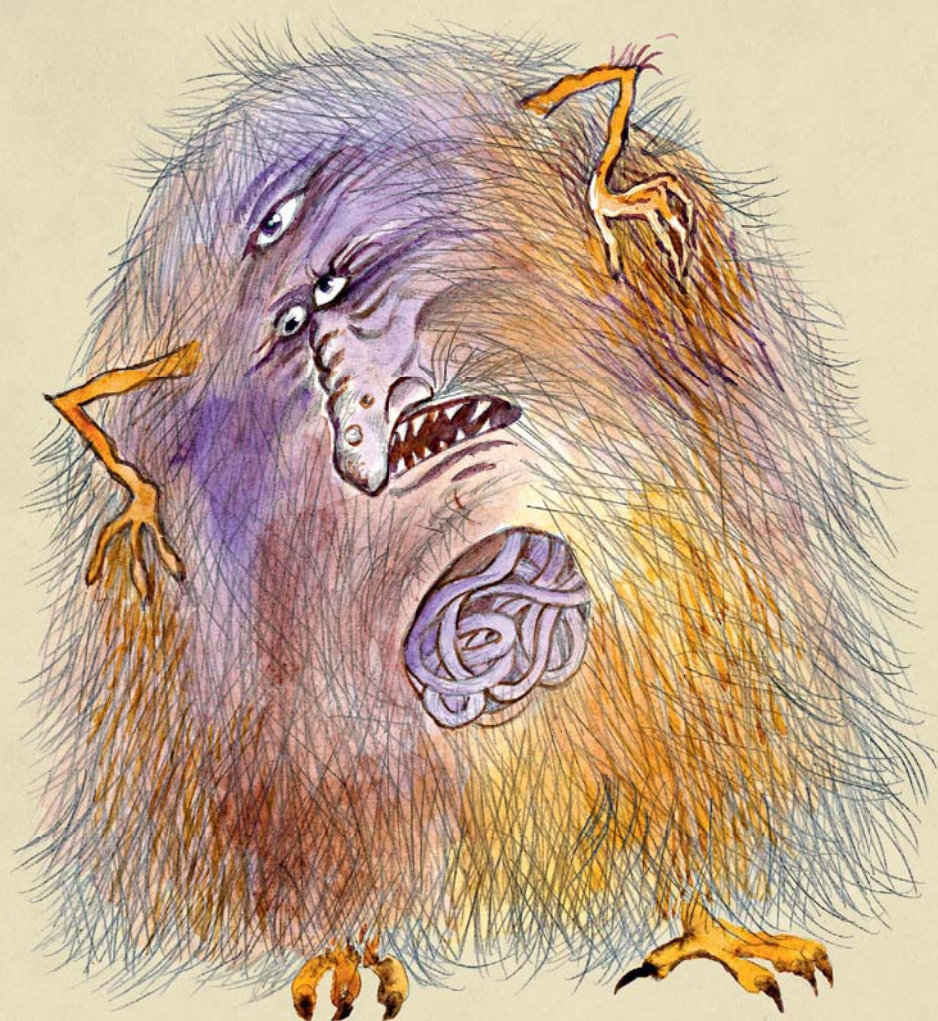
современной Казани. Однако по историческим данным Иски-Казань (XIII–XVI вв.) представляла собой средневековый город на р. Казанка, дата основания которого не имеет никакого отношения ко времени возникновения современной Казани, являющейся столицей Республики Татарстан. Казань, которую мы все знаем сейчас, возникла в конце X — начале XI века как укрепленный центр волжских булгар. Официальной датой основания современной Казани считается 1005 год.

Как и в предыдущей легенде, в тексте о Зиланте повествуется об основании Казани. Согласно сюжету, холм, где сейчас стоит Казанский Кремль, когда-то был змеиным царством, а Зилант — их повелителем. Когда люди решили занять эти земли, хан приказал выжечь змеиные гнезда. Большинство пресмыкающихся погибло, но Зилант спасся и укрылся на горе у реки Казанки. Позже это место называли Зилантовой горой, а в 1560 году здесь основали Зилантов монастырь. Разгневанный дракон долго мстил людям. Некоторые верят, что он до сих пор обитает в озере Кабан, охраняя сокровища последней казанской царицы Сююмбеки.

Но не все легенды рисуют Зиланта злобным. В некоторых из них он защищает город от врагов и помогает жителям. Возможно, со временем ярость древнего змея утихла, превратив его из врага в покровителя. Сегодня образ крылатого дракона стал частью городской культуры. Его можно увидеть не только на гербе, но и в скульптурах, сувенирах и даже в названиях спортивных команд.

Современная Казань — город, где древние предания оживают, а прошлое продолжает вдохновлять новые поколения. И кто знает, может быть, где-то в глубинах озера Кабан или в подземных пещерах Зилантовой горы до сих пор дремлет древний змей, храня многовековые тайны...

Албасты

В татарской мифологии *албасты* является одним из наиболее устрашающих существ. В отличие от многих других мифологических персонажей, у него нет строго определенного пола. Эта неопределенность подчеркивает его таинственность, превращая *албасты* в нечто выходящее за рамки человеческого понимания и обыденного опыта, и этот факт лишь усиливает его пугающее воздействие.

Албасты — один из самых зловещих персонажей тюркской мифологии. О нем знали почти все тюркские народы, и в каждом регионе он выглядел по-своему, но всегда оставался опасным и пугающим. Чаще всего его представляли как уродливую женщину с косматыми волосами и длинными грудями, которые она могла закинуть за спину. Демон умел оборачиваться животными и даже предметами, что делало его особенно хитрым. В Туве верили, что у него один глаз посреди лба и нос из камня или меди. В Азербайджане — что у него птичья нога. А в казахских легендах *албасты* ступал копытами или вывернутыми ногами.

Албасты көчсезлэрне баса.

Албасты давит слабых.

Албасты приписывают способность водить людей по бездорожью, пить их кровь и красть детей из чрева матери. По легендам, он также способен проглатывать солнце, вызывая солнечные затмения и погружая мир во тьму. Одним из его любимых способов устрашения было давить людей во сне и на дороге. Верование об этом сохраняется до сих пор и актуализируется в ситуации сна, когда человек просыпается в тяжелом состоянии, думая, что что-то черное и тяжелое перекрыло его дыхание. В мифологических рассказах говорится о том, что это существо может принимать разные формы в зависимости от обстоятельств: от черного клубка или стога сена до женщины без спины, у которой видны внутренности, и даже кибитки или ковша. Среди ночи албасты часто является как нечто гигантское и темное, не имеющее четких очертаний.

Женнэн куркып, албастыга очраган.

Испугался джен, встретил албасты.

Одна из его самых страшных черт — способность изменять размеры: сначала он может казаться не более чем собакой, но по мере приближения к человеку внезапно разрастается

до огромного стога, заполняя собой все поле зрения жертвы. Его скорость передвижения поражает: он может моментально перемещаться, исчезая за доли секунды, как бы растворяясь в ночи.

Албасты обитает в местах, где человеческий мир пересекается с неизвестным и опасным пространством. Его можно встретить на мостах, у перекрестков дорог, в заброшенных домах и на полях. Считается, что именно там он имеет силу навредить людям, заставляя их чувствовать себя беззащитными перед его незримой угрозой. Зловещие места позволяют ему подходить к людям ближе, оставаясь невидимым до последнего момента.

Время появления *албасты* — ночь, когда темнота накрывает землю, а тишина делает каждый шорох и движение особенно пугающими. Ночной покров словно оживляет его, придавая ему силу и возможность беспрепятственно бродить по миру, разыскивая своих жертв.

Существует множество обычаев и запретов для защиты от *албасты*. Считается, что ни в коем случае нельзя называть его по имени — это может навлечь беду. Чтобы защититься при встрече с ним, важно вывернуть одежду наизнанку, что, по народным поверьям, способно сбить духа с толку. Защитой также служат молитва, обожженная лучина, петушинный крик и запах можжевельника или чертополоха. Верят, что, если *албасты* встречает человека с лучиной, он пугается огня и исчезает, не посмев приблизиться.

Существует множество историй о встречах с *албасты*, где существо предстает в виде огромной темной массы, катящейся по полю.

Однажды одна женщина пошла за своей лошадью, которая выбежала в поле. Когда она настигла животное, стемнело, и ей стало страшно. Вдруг она заметила вдали нечто, похожее на тройку

лошадей, которые, казалось, мчались к ней. Она обрадовалась, думая, что не останется одна в темноте, и пошла им навстречу. Однако, подойдя ближе, увидела, что это была не тройка лошадей, а огромная темная масса, которая становилась все больше, пока не превратилась в огромный стог. Женщина догадалась, что перед ней *албасты*, и, громко молясь, в ужасе убежала домой. *Албасты* испугался молитвы и пронесся мимо нее с грохотом и завыванием, как ветер, и женщина долго болела от пережитого страха.

В другом рассказе мужчина поздно вечером вышел во двор и увидел у хлева огромную темную фигуру. Вначале он не испугался, но вскоре заметил, что фигура начала двигаться. Он поспешно вернулся в дом, но любопытство взяло верх, и он вышел снова. Подойдя ближе, мужчина увидел на снегу гигантский след — след человеческой ноги длиной в полтора аршина, который, как он верил, оставил *албасты*. Этот случай порастил его и других сельчан, заставив их обходить хлев стороной в ночное время.

Однажды один человек возвращался из города на телеге. Приближаясь к деревне, он заметил на дороге два огромных стога сена, между которыми горел огонь. Конь вдруг остановился, отказываясь двигаться дальше, и тогда человек понял, что это проделки *албасты*, который хотел сбить его с пути. Он пытался обойти стога, но каждый раз оказывался снова между ними, как будто путь был заколдован. Мужчина, перепуганный и измотанный, решил просто лечь на дно телеги, надеясь, что *албасты* оставит его в покое. И вдруг раздался крик петуха, после которого он обнаружил, что находится у своей деревни.

Однажды моя бабушка рассказывала, как ей довелось принимать роды у женщины в деревне. Роды были трудными и затянулись. Устав, бабушка на короткое время прилегла на лавку, что-

бы отдохнуть, и незаметно заснула. Во сне — или, может быть, наяву — она услышала, как роженица снова зовет ее: начались новые схватки. Бабушка попыталась встать, но почувствовала, что не может пошевелиться, будто чья-то сила сковала тело.

В этот момент в дом вошла странная женщина. Вся в белом, с распущенными длинными волосами, она обратилась к бабушке со словами: «Воду закрыли, молоко закрыли — чем же мне младенца обмыть?» От этих слов стало по-настоящему жутко. Бабушка тут же начала читать молитву — незваная гостья исчезла, словно растворилась в воздухе. Вскоре после этого на свет появился здоровый мальчик.

Позже бабушка поняла, что той таинственной женщиной была *албасты* — злой дух, который охотится за новорожденными и роженицами. Считалось, что *албасты* купает новорожденного в сосудах с водой или молоком, поэтому такие сосуды надо закрывать. В нашей истории именно это помешало нечистой силе завершить злой замысел.

Албасты предстает как существо загадочное и многоликое, способное изменять облик и наносить вред тем, кто неосторожно оказывается в его власти. Он словно олицетворяет столкновение с неизведанным, которое таит в себе древние страхи перед темнотой и ночной неизвестностью.

Истории об *албасты* — это не просто страшилки, а формы народной рефлексии над внутренними страхами, объяснение тех явлений, что не поддаются логике. Именно поэтому этот персонаж остается одним из самых ярких и устойчивых в татарской мифологии, продолжая пугать, но и привлекать к себе внимание новых поколений слушателей.

Бичура

Бичура — имя, под которым в татарской мифологии известен домашний дух, традиционно представляющий женский образ. Бичура способна принести как счастье и достаток, так и тревогу и беспокойство, если ей что-то не понравится. Представьте пожилую женщину небольшого роста — от 70 сантиметров до полутора метров. В ее облике всегда есть что-то необычное: она носит красную одежду и головной убор — орпек¹¹, украшенный золотым шнуром, который придает ей загадочность и мистическое очарование.

Бичура обитает в доме, чаще всего на чердаке, в погребке или даже в бане. Но появиться она может только в ночное время, когда все домочадцы уже спят. Этот дух не всем открывается, предпочитая «жить» у избранных хозяев, тех, кто знает, как к ней относиться.

Присутствие бичуры можно почувствовать по нескольким признакам. Если она довольна хозяевами, то приносит в дом удачу, достаток и защищает его обитателей.

Но стоит хозяевам рассердить ее, и *бичура* начинает озорничать, разбрасывая вещи, бьет посуду и пугает домочадцев, давит некоторых из них во сне.

В одной истории рассказывается о мельнике, который пришел на ночлег и стал свидетелем неприятного события. Ровно в полночь с потолка упала маленькая женщина и приблизилась к ногам мельника. Когда он оттолкнул ее, она с громким стуком упала на пол. Позже мельник увидел, как рядом спящий мальчик начал тяжело дышать, будто его кто-то давил. Это была *бичура*, но с рассветом все вернулось на круги своя.

Особой опасности этот дух не представляет, если соблюдать определенные правила поведения, которые передаются из поколения в поколение. В общении с *бичурой* важен тщательный подход: на ночь для нее оставляют угощение — тарелку с пищей и ложки, чтобы дух не чувствовал себя обделенным. Известно, что *бичура* боится огня и медведя, а в трудные минуты ее можно успокоить с помощью молитвы.

Рассказывают, что один мулла, устав от постоянных проделок *бичуры*, взялся за оружие. По ночам его будили внезапно прилетевшие с печки кирпичи, валенки, сапоги и даже старая шапка. Мулла решил на крайние меры и попытался отогнать духа ружейным выстрелом. Однако выстрелы мало помогали: предметы продолжали падать на него. Но однажды он услышал голос с печки, посоветовавший прочесть определенную молитву. После того как мулла произнес нужные слова, дом его обрел покой. Так *бичура* показала, что почитание и уважение сильнее любых угроз.

В мифологических рассказах *бичура* предстает и как проказливый дух, и как дух-обогатитель, помогающий избранным хозяевам. В ее функции не входит защита целостности семьи

и домашнего очага, как в случае с *йорт иясе*. Напротив, если ей не понравится отношение хозяев дома, она может уйти, наказать их, а если понравится, принести достаток в семью.

Существует история о том, что мулла, у которого *бичура* долго жила и приносила ему деньги, решил избавиться от нее, когда богатства стало достаточно. Он позвал знахарку, чтобы она изгнала дух из дома. *Бичура* ему отомстила: внезапно надворные строения муллы охватило пламя, и через несколько часов он остался ни с чем. Соседские дома не пострадали, и людям стало ясно, что за пожаром стояла разгневанная *бичура*.

Бичура — это удивительное существо татарской мифологии, связанное с домом и его обитателями. Ее можно назвать хранительницей, которая защищает дом и его покой. Но обращение с ней требует уважения и осторожности, ведь даже самые добрые духи могут стать страшными врагами.

Бичура белэн пәри дус.

Бичура дружит с пәри.

Джен

Одним из самых ярких и неизменно популярных персонажей в мире татарской мифологии выступает *джен* (*џен*) — таинственное существо, которое олицетворяет силу неведомого и непознанного. Основные представления о нем формируются под влиянием мусульманских мифов о джиннах и народных верований о нечистой силе, существовавших еще до прихода ислама.

Представления о джиннах в арабской традиции восходят к доисламской эпохе, когда они характеризовались «как неперсонифицированные божества, которых мекканцы считали родственными Аллаху и ставили рядом с ним.

Для жителей Внутренней Аравии VI–VII вв. весь окружающий их мир — пустыни, горы, камни и деревья — был населен джиннами; они считались, в основном, враждебными людям, но их можно было задобрить, поклоняясь им и принося жертвы, у них можно было искать помощи»¹². Согласно мусульманской традиции, джинны

были сотворены Аллахом из бездымного огня и наделены разумом и способностью принимать любой облик — от невидимых воздушных существ до таинственных огненных фигур.

В мусульманской культуре считается, что часть джиннов уверовала в Аллаха, приняв ислам; благодаря этому их разделяют на правоверных и неправоверных. Идея противоборства правоверных и неправоверных джиннов перекочевала из мусульманских преданий в татарский фольклор еще в эпоху Волжской Булгарии и обрела форму захватывающих сюжетов о небесных сражениях представителей этих мистических сил.

Джен — существа, которые, оставаясь невидимыми для обычного глаза, обладают уникальной способностью менять свою форму так, как им удобно. Живя в параллельной реальности, скрытой от человеческого взгляда, *джен* могут пересекать границы своего мира и появляться в нашем, только когда в этом есть особая для них нужда. По мифологическим представлениям татар, мир этих персонажей устроен подобно нашему: они рождаются, умирают, создают семьи, борются с болезнями и приносят людям страдания и неприятности. Единственным временем в году, когда они теряют свою силу и не могут причинить вреда людям, является Ураза, т.е. пост в священный месяц Рамадан. Традиция предписывает мусульманам соблюдать Уразу каждый день от рассвета до заката и ограничивать себя в том, что может осквернить. Так вот... На протяжении всего священного месяца Рамадан *джен* закованы в магические оковы, которые сдерживают их до последних дней этого периода.

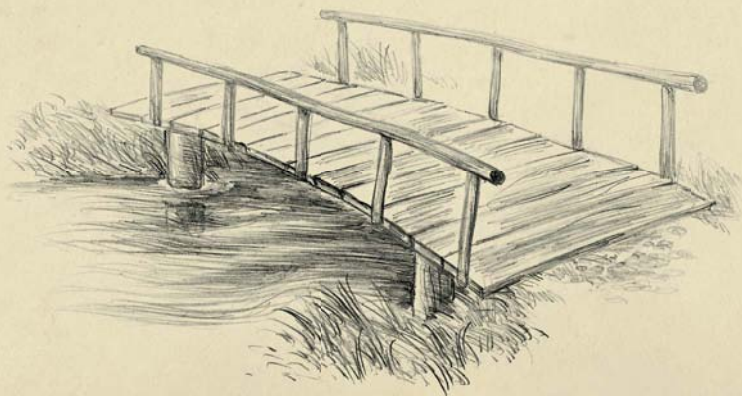
Одной из основных функций *джен* является насылание болезней: по поверью, если человек падает в нечистом месте — будь то переулочок или перекресток, — это может привести к неизлечимым ранам или к боли, от которой нет спасения. По словам носителей традиции, такое происшествие объясняется воздействием особой хвори, называемой *жен захмате*, — болезнью, которую насылают *джен*. Чтобы избавиться от хвори, требуется провести специальный ритуал: на месте падения выливают соленый раствор или оставляют особый набор предметов или продуктов, состав которых отличается в зависимости от местных обычаев.

Среди разнообразных функций *джен* выделяется одна особенно пугающая — это подмена детей. Такая подмена может произойти на разных этапах: еще в утробе матери, сразу после рождения или в течение первых сорока дней жизни младенца, когда ребенка заменяют на отпрыска *джен* или магический объект-оборотень. Подменыш представляет собой безобразное существо, похожее на человеческое дитя, но с большой головой, тонкими конечностями и неспособностью к нормальному росту и развитию. Такая опасность, глубоко укоренившаяся в народной памяти, привела к строгому запрету оставлять роженицу и новорожденного без присмотра в течение первых сорока дней после родов. Данный запрет является актуальным и в современной традиции татар, что выражается не только в его исполнении, но и в регламентации средств защиты: в колыбель кладут железные предметы (нож, ножницы), чеснок, веточки можжевельника, рябины, священную книгу Коран, намазывают пупок золой и так далее.

Значительную часть мифологических текстов составляют истории о вдове, скорбящей по своему покойному мужу, который, по преданию, возвращается к ней ночью в своем прижизненном облике. Рассказчики подчеркивают, что покойный

муж и *джен* — это разные существа, но нечистая сила способна принимать облик умершего, чтобы навещать скорбящую супругу и обманом проникать в ее дом. Если вдова продолжает жить с *джен*, принявшим облик ее умершего мужа, то с каждым днем ее здоровье угасает: она становится болезненной, худеет и слабеет, что в конечном итоге может привести к смерти, если не применить особые ритуальные действия — отгонять *джен* бранными словами, читать молитву на протяжении семи дней подряд или отпугнуть его выстрелом по четырем углам дома из ружья. Ситуация хождения привела к формированию системы поведенческих предписаний для женщин-вдов, которым запрещается плакать и сильно тосковать по умершему.

Неизменной функцией *джен* является их способность запутывать людей, сбивать их с правильного пути и заводить в самые дремучие и опасные места. *Джен* не путают людей на простых дорогах, их излюбленные места — это перекрестки, мосты через реки и тропы рядом с кладбищами. В подобной ситуации *джен* могут привидеться разноцветными щенками, конями разных мастей, свиньями, людьми, прекрасной девой и др. Повсеместное распространение подобных сюжетов встречи с *джен* в пути актуализирует способы защиты, которые заключаются в необходимости произнесения ругательств, чтения молитв, надевания одежды наизнанку, использования железных предметов и другом.

По народным рассказам, *джен* вездесущи, но чаще всего обитают в банях, заброшенных домах, на перекрестках дорог и в загрязненных местах. Границы дома, защищенные от постороннего вторжения, считаются потенциальными зонами проникновения *джен*; именно поэтому порог, подоконник, матица, дымоход и дверь воспринимаются в народной традиции как уязвимые и порой даже опасные участки жилища. Это привело к возникновению строгой системы запретов и предписаний с целью защиты дома и домочадцев от вредоносного воздействия нечистой силы. Для защиты дома от посягательств *джен*, которые приносят с собой болезни и распри в семью, используются обереги (шамаили¹³, можжевеловые ветви, стебли цикория, подкова, соль, порох и т.д.), выполняется комплекс определенных действий (страхивание с ног нечисти при входе, закрывание путей проникновения нечистой силы — окна, двери, печная заслонка — на ночь с произнесением слов *бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим*¹⁴ и т.д.).

Джен — удивительные существа, стоящие на границе между миром людей и потусторонним, между древними верованиями и исламской традицией. Хотя сегодня мы редко верим в то, что *джен* могут подменить ребенка или сбить путника с дороги, многие обычаи, связанные с ними, до сих пор живут в татарских семьях. Железные предметы в колыбели, молитвы перед сном, запрет оставлять новорожденного без присмотра — все это отголоски древних страхов и способов защиты от неведомого.

Возможно, *джен* и не существуют в реальности, но они продолжают жить в фольклоре, литературе, культуре и даже в нашем воображении как напоминание о том, что в каждом уголке земли есть свои тайны, ждущие разгадки.

Дию

В мифологии тюркских народов Поволжья, Западной и Южной Сибири, Казахстана, Средней, Ближней и Малой Азии, Кавказа, а также некоторых иранских народов *дэв* — огромное существо, внушающее невероятный страх. Происхождение слова связано с индоиранскими языками и иранской мифологией: в древнеиранском языке *daiva* в более поздние времена писалось как *дев/див* и означало языческого бога или демона-дьявола.

Согласно иранской мифологии, *дэвы* — это мифологические существа, которые часто изображаются в виде великанов с человеческими или звериными чертами. Их тела обычно покрыты шерстью, они могут быть одноглазыми или многоголовыми и обладают невероятной физической силой. Считалось, что *дэвы* обитают в труднодоступных местах — в горах, пещерах, пустынях, на дне озер или в подземных царствах. Часто они охраняют сокровища — драгоценные камни, золото и другие богатства.

В мифах мужчины-дэвы, стремясь навредить, похищают людей, разрушают дома, могут убивать и даже пожирать своих жертв, а также соблазнять женщин. Женщины-дэвы изображаются существами менее опасными и злобными.

Интересно, что в мифологии некоторых народов Средней Азии и Кавказа дэвы иногда изображаются и в положительном свете. В таких рассказах они выступают как созидатели: занимаются скотоводством, ткачеством, ювелирным ремеслом, строительством крепостей и даже целых городов.

Дию в татарском фольклоре чаще характеризуется как сказочный персонаж, хотя и сохраняет мифологические черты и часто объединяется в единый образ с *пэри* (*дию пэрие*).

Дию представляет собой демоническое существо, внешне похожее на человека, обладающее магическими способностями и при желании предстающее в разных обликах. *Дию* чаще всего изображается как мужское существо исполинского роста, покрытое густой шерстью.

Он может иметь одну, три, шесть, девять или даже двенадцать голов. Зубы его похожи на бивни, а когти — на острые ножи. На лбу у него красуется один рог, символизирующий его демоническую природу. В сказках его описывают как огромное чудище, голова которого заслоняет свет, а туловище заполняет весь мир.

Места обитания *дию* варьируются в разных текстах, но они всегда находятся за пределами человеческого мира. *Дию* обитают за семью морями, за темными лесами, на мифологической горе Каф, под землей и морем, живут целыми семьями и городами. В связи с тем, что место жительства *дию* связано с местами, недоступными для проживания обычного человека, данный персонаж характеризуется также и как владыка подземного царства — мира мертвых.

*Диюгә тәмуҗ юлын күрсәтмәсәң,
оҗмах юлын белмәс.*

*Если не показать дию дорогу в ад,
он и не узнает, где дорога в рай.*

Дию иногда может быть доброжелателен, но в основном предстает как злодей, опасный враг героя сказки и вообще людей. Основное его занятие — похищение женщин: он похищает жен или дочерей правителя, чтобы взять их себе в супруги или содержать в качестве наложниц. Вместе с тем некоторых из похищенных людей он обычно съедает, в этом случае пол съеденных не уточняется. Появление *дию* всегда сопровождается грозными признаками: поднимается вихрь, небо темнеет, вокруг сгущаются зеленые и черные облака. Его природа отражает стихии — он грозен и силен, и встреча с ним предвещает серьезные испытания для героя.

Как правило, душу чудовища-*дию* можно забрать с помощью его собственного меча или же спастись от него хитростью, поэтому самое страшное для него время наступает, когда он впадает в глубокий сон, а *дию* отдыхает, то есть спит, очень долго, иногда по несколько дней. Однако, когда он бодрствует, его мощь и опасность достигают таких высот, что побороть его можно только с помощью хитрости.

Чаще всего так и происходит: герой побеждает чудовище не столько силой, сколько смекалкой. В этом отношении в фольклоре распространены истории, где герой, попав в ловушку *дию*, спасается лишь благодаря хитрости и быстрому уму.

Однажды одного мальчика дровосеки послали за едой. По пути он встретил *дию*, который пригласил его к себе в дом.

В первый же вечер *дию* велел своей матери укусить мальчика, чтобы тот умер во сне. Но мальчик, заметив замысел, положил на свое место пучок лучины. Мать *дию* укусила лучину, решив, что это мальчик, а тот спокойно дождался утра, удивив своим присутствием и *дию*, и его мать.

Второй раз *дию* решил обманом расправиться с мальчиком: на этот раз его мать раскалила шило и воткнула его туда, где мальчик якобы спал. Однако и тут мальчик перехитрил их, подложив лучину вместо себя. Наутро он снова встал живым и здоровым, чем вновь привел *дию* и его мать в замешательство.

Третьей ночью они решили спустить на мальчика тяжелый жернов, чтобы раздавить его, но мальчик и в этот раз хитроумно уложил на свое место лучину. Наутро он вновь встал невредимым, чем окончательно поразил *дию*. Осознав, что не может победить хитрого гостя, *дию* пал духом и вынужден был отпустить его.

Образ юного героя, перехитрившего зловещего духа, находит отклик и в других текстах. В одном из них повествуется о том, как в далекие времена человечество было охвачено страшным бедствием: люди начали умирать от таинственной болезни, не щадившей ни стариков, ни младенцев.

Один храбрый юноша, не выдержав страданий своего народа, отправился на поиски живой воды. Он шел долго: через леса, горы и моря. Наконец добрался до далеких мест, где правил злобный *дию*. Там он нашел дворец, в котором жила плененная чудовищем девушка. Она попыталась прогнать юношу, испугавшись за его жизнь, но, услышав о цели похода, отвела к волшебному источнику. Наполнив сосуд живой водой, юноша отправился назад. На прощание девушка дала ему магические предметы — зеркало и точильный камень.

Прознав об этом, *дию* погнался за юношей. Чтобы спастись, юноша бросил зеркало — возникло море. Потом — точильный камень, и выросла гора. Но враг настиг его у самой деревни. Долго они боролись, пока юноша не победил чудовище. Переломали очень много деревьев. Во время битвы *дию* ударил по руке юноши, и сосуд с водой упал. Живая вода пролилась на ели, и с тех пор, по легенде, они остаются вечно зелеными.

Функция *дию*-похитителя в татарских сказках является основной, но помимо нее за ним закрепляются другие функции, которые появились вследствие популяризации данного персонажа и замещения им других сказочных героев: *дию*, требующий выкуп; *дию*-волшебник, обучающий хитрым наукам; *дию*-слуга, исполняющий приказы главного героя (строит и осаждает города, в мгновение ока перемещает людей из одного места в другое, занимается земледелием и др.); *дию*-глупец, которого главный герой периодически обманывает и причиняет ему вред; *дию*-помощник, помогающий главному герою в трудной ситуации.

Дию в татарской мифологии и фольклоре — это воплощение опасностей и трудностей, с которыми приходится сталкиваться герою на своем пути. Встречи с ними учат нас смелости и напоминают, что даже самый могучий враг может быть побежден, если действовать с умом и смекалкой.

Џилбегэн

Џилбегэн (йилбегэн) — это многоголовое существо, настоящее чудовище, о котором рассказывают легенды тюркских народов Сибири, в том числе и татар. Его облик впечатляет и устрашает: семь голов, крылья и грозное телосложение делают его символом неукротимой силы и опасности. Он прославился как ненасытный людоед, передвигающийся на небесном быке и внушающий страх даже самому храброму батыру.

Корни этого образа уходят глубоко в тюркскую мифологию. В алтайском фольклоре сохранилась любопытная версия о судьбе йилбегэна (Дьелбегена): согласно некоторым легендам, месяц, возмущенный людоедством чудовища, забрал его на небо, где он и остался навсегда.

Одна из легенд о вознесении Дьелбегена на небо гласит следующее. «Когда чудовище, пожиравшее все на свете, стало угрожать миропорядку, Месяц и Солнце посоветовались, кому из них спуститься на землю.

Когда Месяц отправился за *Дьелбегеном*, тот как раз собирал черемуху — так чудовище вместе с ягодами и было унесено на небо». Алтайцы до сих пор верят, что затмения происходят, когда *Дьелбеген* дует Луне в глаза, а шум от лая собак и битья посуды помогает «раскрыть» глаза светилам. Интересно, что это нисхождение Месяца оставило следы в природе — якобы образовались ледники, тогда как неудачная попытка Солнца схватить чудовище привела к пожарам и появлению валунов¹⁵.

Основные сведения о *йилбегэне* в татарском фольклоре сохранились в эпических произведениях — дастанах. В дастане «*Йастай-Монке*» *йилбегэн* представлен как железное существо с могучим телосложением. Его грозное оружие — булава размером с гору, а сам он говорит на человеческом языке и передвигается на вороном коне.

Как-то раз Йастай-Монке вновь погнал коня рысью. Скакал так и увидел гору. Назвать бы горой, но похож на человека, назвать человеком, но как гора. Приблизился, а это Тимер-йилбегэн на вороном коне, ростом с сосну, а булава у него, как огромная гора.

Главный герой дастана *Йастай-Монке* побеждает это чудовище, отрубает его головы, сжигает их, а пепел развеивает по ветру.

Дастан «*Кадыш-Мерген*» раскрывает новые грани *йилбегэна*. Он занимается скотокрадством и обитает в каменном доме, стоящем среди пустоши. У него есть белогрудый конь и семья, причем его супруга — женщина человеческого происхождения. А взрослые сыновья ведут свое хозяйство и помогают ему в его темных делах. Основное же его занятие — охота. Глав-

ный эпический мотив, связывающий все дастаны, заключается в финальной победе батыра над *йилбегэном*. Безо всяких ухищрений герой справляется с чудовищем, подчеркивая мощь человеческой храбрости и силу воли перед лицом мифического зла.

Посреди пустыни встретил Кадыш-Мерген младшего *йилбегэна*. У *йилбегэна* были собаки. Испугавшись Кадыш-Мергена, они с лаем спрятались за *йилбегэна*. На правом плече *йилбегэна* сидел кречет, он от страха пересел на его левое плечо.

— Кто тут испугал моих собак? — сказал *йилбегэн*. — Три сына старика остались без своих трех стад, наверное, пришел его младший сын — Кадыш-Мерген.

Кадыш-Мерген сказал:

— Какое зло ты держишь на Кадыш-Мергена? Будем стреляться или биться?

После этого они схватились, корень дерева обнажился, корни трав оторвались. Кадыш-Мерген ударил *йилбегэна* о землю, отрубил семь его голов, придавил их камнем величиной с коня. Сел на бело-сивого коня *йилбегэна* и отправился домой.

Дастан «Алтаин Саин Суме» проливает свет на происхождение *йилбегэна* и его чудовищного рода. Главный герой, Алтаин Саин Суме, прибывает ко двору хана, который собирался выдать свою дочь замуж. Победив в состязаниях других претендентов, он получает право жениться на ханской дочери. Позднее он сталкивается со своим загадочным двойником — Эне Солымом, который помогает ему в битве с ужасным существом — матерью семисот *йилбегэнов*. Она встречает героев устрашающими словами:

*Канатлы очмас жир иде,
Аяклы йөрмәс жир иде,
Бу жиргә кемнең улы-кызы килде?*

*Край, куда не долететь на крыльях,
Край, куда не дойти ногами,
Чей же сын иль дочь прибыли сюда?*

Эпизод с матерью чудовищ раскрывает идею масштабной опасности, с которой приходится сталкиваться герою. Дастаны показывают, что *йилбегэн* может быть не только одиноким врагом, но и частью целого рода.

В мифологических рассказах татар, проживающих в Западной Сибири, до наших дней сохранились мотивы, напоминающие сюжеты преданий тюркских народов. Согласно некоторым текстам, *йилбегэн* обитает глубоко под землей. Неожиданно появляясь из-под корней деревьев, существо нападает на батыров, а затем вновь исчезает в тайных глубинах, словно растворяясь в недоступном подземном мире. Существует также сюжет, где *йилбегэн* приходит к девушке, оставленной братьями в одиночестве, пока те отправились на охоту. Чудовище начинает пить кровь девушки, доводя ее до критического состояния. В этот момент возвращаются братья и вступают в решающий бой, где, наконец, побеждают его.

Когда-то жил семиглавый *йилбегэн*. Чудовище, у которого на голове было семь рогов. Жили в то время двое братьев и их сестра. Братья были славными стрелками. Старшего звали Пайгана.

Однажды братья ушли на охоту, оставив сестру дома. Вскоре после их ухода в дом явился *йилбегэн*. Он напугал девушку и велел ей ничего не говорить братьям. Притворившись, будто играет с ней, он проткнул ей подошву и

стал пить кровь. «Если расскажешь, проглочу тебя», — пригрозил он.

Три дня *йилбегэн* пил ее кровь, и на четвертый день девушка обессилела и слегла. Даже когда братья вернулись и спрашивали, что случилось, она не могла ничего сказать.

В тот день, когда братья остались дома, внезапно поднялась буря. *Йилбегэн* не смог войти в дом обычным способом и полез через дымоход. Один из его рогов застрял, и брат срубил его. *Йилбегэн* потерял все семь рогов — все семь братья отсекли. Когда умирал, *йилбегэн* сказал:

— Сегодня как раз был тот день, когда я должен был ее съесть...

С тех пор сестра выздоровела и осталась жить с братьями. Сила *йилбегэна* хранилась в его рогах, и когда он потерял их, умер.

Йилбегэн представляет собой классический пример мифологического злодея в тюркском фольклоре. Это не просто страшное чудовище с семью головами, а своеобразный «тест» для героя: если батыр смог его победить, значит, он действительно достоин своего статуса.

Интересно, что в разных текстах *йилбегэн* предстает в разных ипостасях — то как одинокий людоед, то как глава семейства, промышляющий скотокрадством. Но финал всегда один: храбрый воин его побеждает, причем без особых уловок — только сила, смелость и немного удачи.

Эти сказания не просто развлекали слушателей — они напоминали, что даже самое страшное чудовище можно одолеть, если не терять головы. А заодно объясняли, почему в мире так много курганов и камней необычной формы — мало ли где может быть зарыта очередная голова *йилбегэна*.

Пэри

Среди разнообразной нечисти есть очень необычный персонаж — *пэри* (*пэри*). С *пэри* знакомы не только татары, но и другие народы. Впервые об этих демонах заговорили персы.

Согласно иранской мифологии, *пари* (или *пэри*) представляют собой демонических существ. Изначально, в древних зороастрийских текстах, *пари* описывались как вредоносные духи женского пола. «Авеста» рассказывает об их злокозненной природе: они ассоциировались с засухой, неурожаями и различными соблазнами. В преданиях падение звезд объяснялось как результат битвы между *пари* и добрыми духами.

Однако со временем образ *пари* претерпел значительные изменения. В средневековой персидско-таджикской литературе они уже предстают как прекрасные воздушные создания, способные становиться невидимыми. Их появление сопровождается

благоуханием, а внешний облик очаровывает людей. В этом качестве *пэри* могут помогать героям, но также способны лишать разума или насылать безумие.

Этот мифологический образ широко распространился за пределы Ирана, проникнув в фольклор тюркоязычных народов Малой и Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа и Поволжья.

О *пэри* рассказывали много мифов, сочиняли различные истории. Переходя из уст в уста, истории о *пэри* дошли и до татар. Но здесь *пэри* подружились с другими демоническими персонажами и стали походить уже на них. Рассказывая друг другу о *пэри*, татары потихоньку забыли их первоначальный облик и стали представлять их уродливыми человекообразными существами. *Пэри* бывают как мужского, так и женского пола. Независимо от этого, они обладают магическими способностями, что делает их еще более пугающими и непредсказуемыми.

Пэри башка, жен башка.

Пэри не то же самое, что джен.

Пэри — существа с двумя обликами. Чаще всего они выглядят как уродливые, одноглазые существа с черным лицом, оскаленными зубами и взъерошенными волосами, которые торчат, словно щетина у свиньи. Их один глаз светится посредине лба, и это зрелище может заставить любого прохожего содрогнуться. Однако *пэри* могут также принимать образ прекрасных юношей и девушек, способных очаровать и обмануть свою жертву. Эти преобразования позволяют им незаметно вливаться в человеческое общество и совершать свои коварные поступки.

Пэри обитают в заброшенных банях и домах. Это те места, которые люди покинули, и их захватывают *пэри*. По ночам они наполняют пространство странными звуками — шуршанием, смехом

или даже обычными для бани звуками, хотя, казалось бы, в ней никого не должно быть. Они, как никто другой, знают, что ночью страхи людей становятся наиболее явственными и живыми.

Смертельно опасные и коварные, *пэри* могут привести человека в беспомощное состояние простым касанием. При встрече с *пэри* необходимо прочесть молитву. Также от *пэри* защищают железные предметы, что связано с древними верованиями в защитную силу железа. Важно помнить, что не стоит ходить в баню после двенадцати ночи — это время, когда *пэри* особенно активны.

Однажды ранним утром мужчина проходил мимо заброшенной бани. Вокруг стояла тишина, но внезапно он услышал хлестанье веником и звуки, будто кто-то парится. Подойдя ближе, он заметил, что дым и пар отсутствуют. Тут дверь бани распахнулась, и перед ним предстал человек в белой одежде, пригласивший его зайти и попариться вместе. Мужчина, охваченный страхом, попытался убежать, но остановился, будто вкопанный,

и почувствовал, что не может ни двигаться, ни говорить. Проходившие мимо люди заметили его, но лишь удивились, не понимая, что происходит. Спасла его знахарка, которую привели встревоженные родственники.

Она знала заговор от пэри (пэри теле).

*Ай белэн кояшны кайчан адәм углы
кабып тотса, (фэлэнне...) пэри анда тотсын!
Күктәге йолдызларны кайчан адәм углы
кабып тотса, бу (фэлэнне...) пэри анда тотсын!
Күктән төшкән салават күперен адәм углы кайчан
кабып тотса, бу (фэлэнне...) пэри анда тотсын!*

*Когда человек схватит солнце и луну,
пусть тогда пэри схватит (того-то...)!
Когда человек схватит звезды на небе,
пусть тогда пэри схватит (того-то...)!
Когда человек схватит радугу, спустившуюся
с неба, пусть тогда пэри схватит (того-то...)!*

Пэри ведут себя крайне неоднозначно. Они похищают детей, могут навести беспамятство на случайного путника или забросать его камнями и кирпичами, если он попытается зайти в заброшенный дом. Эти существа умеют обольщать и очаровывать молодых людей, заманивая их в свои ловушки.

Иногда пэри оставляют вместо человеческих детей своих собственных.

В одной деревне жил мальчик, о котором говорили, что он дитя пэри. Он был некрасив — с черным лицом, продолговатой головой и большими глазами. Его странное поведение и привычка ходить босиком только подчеркивали его нечеловеческое происхождение. Говорили, что родители-пэри подложили его в бане, оставленной без присмотра. Когда этот мальчик играл

с другими детьми, то всегда говорил, что пойдет к «своим», и уходил в землянку. Когда его встречали на дороге, он часто бросал в прохожих камни.

Еще один удивительный случай произошел с семнадцатилетней девушкой, которая отправилась в баню вместе с родственницами. После парной она вышла в предбанник отдохнуть, и именно там *пэри* очаровали ее и увели на гумно за селом. Родственницы девушки, не обнаружив ее дома, начали искать и нашли лишь под утро, когда пропели первые петухи. Она рассказала, что *пэри* увели ее на свадьбу, и, если бы ее не нашли, она вышла бы замуж за *пэри* и навсегда превратилась бы в одно из этих существ.

Образ *пэри* в татарской традиции представляет собой удивительный синтез иранских мифов и местных поверий. Первоначально злые духи из зороастрийской мифологии, в татарском фольклоре они превратились в опасных, но более «приземленных» существ. Практические советы по защите от *пэри* (использование железа, молитв, избегание определенных мест в опасное время) демонстрируют, как мифологический образ интегрировался в систему народных верований и бытовых практик. Истории о встречах с *пэри*, передаваемые из поколения в поколение, выполняли не только развлекательную, но и воспитательную функцию, закрепляя нормы поведения в пограничных пространствах и ситуациях.

Убыр

Убыр — кровожадное демоническое существо в мифологии тюркоязычных народов, в том числе татар, которое может причинить значительный вред как людям, так и их окружению.

Сегодня татары различают два вида *убыра*: первый — это демоническая душа, вселившаяся в человека еще при его жизни, а второй — самостоятельный дух, что по ночам выбирается из могилы через таинственное отверстие и начинает свои зловердные похождения. Людей, в которых обитает *убыр*, татары называют *убырлы*, что означает «человек с убыром». Так, в татарской мифологии различают *убыр* живого человека и *убыр* мертвого человека, и каждый из этих типов имеет свои характерные черты и проявления, словно два разных воплощения темной сущности.

Первый тип, которого называют человек-двоедушник, чаще всего описывается как одинокая женщина любого возраста, но с необычными, даже пугающими аномалиями, например с дырой в подмышке или в левой части головы. Также челове-

ка, зараженного *убыром*, иногда можно узнать по особой примете — углублению на темени. Не зря про таких говорят: «У него дырявая макушка, значит, в нем поселился *убыр*».

Когда человек засыпает, *убыр* отделяется от него и вылетает через печную трубу в виде огненного шара. Вылетев, огненный шар рассыпается и превращается или в свинью, или в черного кота, или в черную собаку, а затем вновь возвращается к своему хозяину. Знающие люди говорят, что, если известно, из какого дома выходит *убыр*, следует закрыть заслонку печи после его вылета. Таким образом можно перехитрить это создание, лишив его пути обратно.

Мотив оборотничества *убыра*, способного принимать облик огненного шара, черной кошки, овцы, гуся и свиньи, достаточно полно разработан в представлениях современных татар. Часто записываются рассказы о том, как некто обнаруживает черную кошку или другое животное на улице или в хлеву и калечит это животное, а утром односельчане распознают по характерному увечью человека и понимают, что в него вселился *убыр*.

Убыр активен только ночью, когда темнота становится его союзницей. Его можно увидеть на улицах или даже в доме, куда он пробирается через печную трубу, чтобы сеять страх и смуту среди людей. Пока физическое тело двоедушника мирно лежит в доме, его близкие могут даже не догадываться, что рядом с ними находится носитель этого зловредного духа. Сущность *убыра* действует отдельно от тела, скрытно передвигаясь в темноте ночи. Даже после смерти того, кто был одержим *убыром*, это создание не исчезает. *Убыр* продолжает выходить из могилы, продолжая свое пагубное влияние на живых.

*Убыр китте — урыны калды,
ябынырга туны калды.*

*Убыр ушел — место осталось,
чтобы накрыться, шуба осталась.*

Первый тип *убыра* известен своими зловещими способностями: он умеет наводить порчу, преследовать людей, запугивать и даже высасывать жизненную силу. Мифологические рассказы строятся на основе таких мотивов: *убыр* живого человека нападает на мужчину, пытаясь забрать его мужскую силу; крадет плод из чрева матери, а также теленка у стельной коровы, чтобы затем высосать из них жизнь и закопать; вылетает из печной трубы и летает по ночам, насылая порчу.

В традиции современных татар широко распространены защитные меры, принимаемые при встрече с *убыром*. Знающие люди предлагают при встрече с *убыром* разделить двойную ветку рябины, после чего это существо превращается в человека и умоляет никому не говорить о нем.

Среди татар существует интересный способ узнать, есть ли *убыр* в доме. Для этого поднимаются на крышу и дуют в печную трубу, проверяя, не скрывается ли в дымоходе зловещий дух.

Если *убыр* пробрался в дом, то из трубы могут посыпаться куски кирпича или песок. Чтобы защититься,

в печь бросают соль, что, по преданиям, оставляет на лице *убыра* маленькие дырочки, по которым его можно будет узнать наутро.

Одним из традиционных способов защиты от *убыра*, принявшего форму огненного шара, является троекратное бросание в него камня с произнесением слов «*Карныца кара пычак, карныца кара пычак*» (Черный нож в твою утробу, черный нож в твою утробу).

Второй тип *убыра* — это самостоятельная демоническая душа, которая скитается по ночам и предстает перед людьми в необычных образах: то в виде стога сена, то огненного шара, то маленьких огоньков. Вредоносная функция *убыра* в этом случае характеризуется проявлением следующих действий: нападение на человека, который после этого заболевает, превращается в *убыра* или блуждает, потеряв дорогу; вселение демонического персонажа или в слишком чистоплотного, или в слишком неряшливого человека.

Чтобы защититься от *убыра*-души, который выходит через дыру в могиле, старики советуют использовать верного защитника — собаку. Также практикуется заливание могилы 40 или 41 ведром воды или вбивание в нее осинового либо дубового кола. Эти ритуалы, как считают, способны остановить духа и преградить ему путь в мир живых.

Одна пожилая женщина рассказывала об *убырах*, которые вылетают из могил. По ее словам, они выливают воду из наполненных бочек и причиняют вред людям, а выглядят сами как неувимые искорки. Однажды мужчина погнался за *убыром*, который скрылся от преследования на кладбище и спрятался в могиле. Преследователь снял свои тапочки, закрыл ими отверстие в захоронении и сел сверху. *Убыр*, оставшийся под землей, умо-

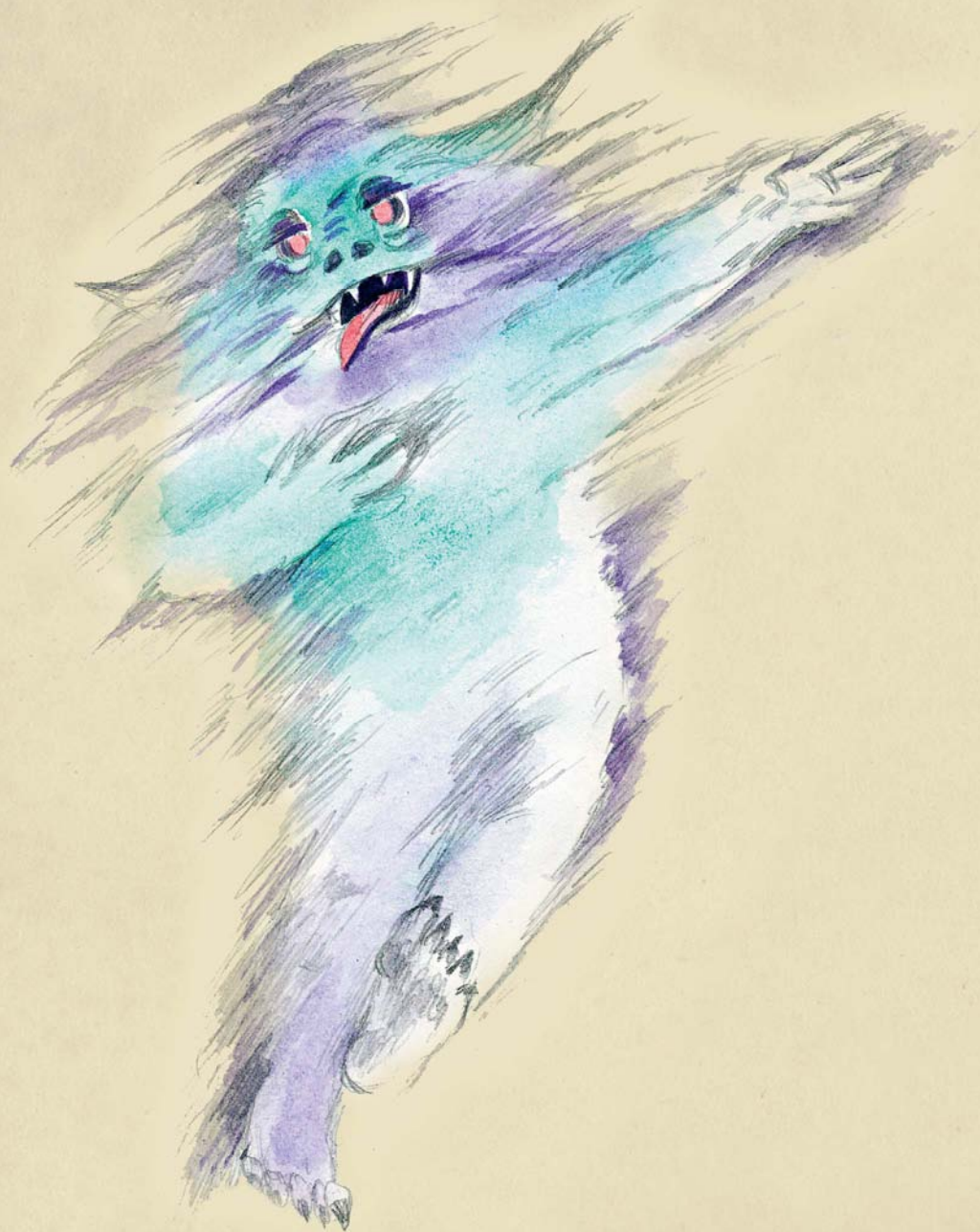
лял: «Отпусти меня, я больше не буду вредить людям!» Мужчина не сдвинулся с места, пока не подросли другие люди. Когда могилу раскопали, обнаружили, что половина погребального савана мертвеца была съедена и находилась у него во рту. Согласно поверью, если бы весь саван оказался во рту, *убыр* смог бы причинять еще больше вреда.

Происхождение *убыра* окутано тайной, и точные сведения о его природе не дошли до нас. Хотя происхождение *убыра* остается загадкой, очевидна его связь с посмертными состояниями души. Этот мифологический образ получил новую жизнь в современной татарской литературе. В романе М. Кабирова «Когда просыпаются вампиры» (2008) *убыр* трансформируется в сложную метафору, сохраняя фольклорные черты (связь с насильственной смертью, способность к оборотничеству), но приобретая новые значения — он становится символом тоталитаризма, исторических катастроф и морального выбора. Другие авторы (М. Амирханов, Г. Гильманов) используют образ *убыра* более традиционно, опираясь на фольклорные мотивы, но также наполняя его современным содержанием.

В современной культуре образ *убыра* переживает удивительную трансформацию. Если в народных верованиях он остается конкретной угрозой, то в литературе, как показывает творчество татарских писателей, приобретает новые символические значения. Из мифологического персонажа *убыр* превращается в художественный образ, способный воплощать сложные социальные и философские концепции — от критики тоталитаризма до размышлений о нравственном выборе.

Уряк

Уряк (өрәк) — мифологический персонаж, связанный с посмертными ипостасями души и появляющийся в местах, где была пролита человеческая кровь, — там, где люди погибли насильственной смертью. Этот персонаж не имеет определенного пола. Он проявляется в нейтральных, иногда изменчивых образах, которые не предполагают принадлежность к мужскому или женскому началу.

В народных представлениях уряк предстает как прозрачное, призрачное облако или светящийся шар, который может принимать разнообразные формы. Его часто видят в виде тумана, человекообразного силуэта в белой или черной одежде или как неясное миражное видение. В моменты, когда он выбирает облик человека, его внешность может выглядеть абсолютно реальной, только угрюмое, непроницаемое лицо этого существа выдает его и порождает жуткий страх.

Уряка можно встретить на кладбищах, дорогах и в местах, связанных с насильственной смертью: будь то место аварии, убийства или самоубийства, там, где пролита кровь. В татарской

традиции такие места известны под названиями «место, где встречается уряк» или «беспокойное место», напоминая, что такие мифологические персонажи предпочитают обитание на стыке человеческого мира и мира мертвых.

Уряк появляется лишь в «пограничное время» — ночью, в полночь или на рассвете, когда миры живых и мертвых соприкасаются особенно близко. Считается, что именно тогда, в часы тишины и темноты, духи находят путь к человеческому миру и наполняют его своим странным, леденящим присутствием.

При встрече с уряком человек может ощутить, будто рядом кто-то есть: появляется ощущение, что за вами следят, воздух наполняется странной тревогой. Иногда он издает раздирающие душу крики или плачет, вызывая ужас и заставляя людей уходить прочь не оборачиваясь. Другие признаки его присутствия — это огненный шар или туманное, едва заметное свечение. Уряк, по рассказам, может неожиданно запрыгнуть в телегу или сани, и тогда лошади, словно под тяжестью невидимой поклажи, замедляют шаг и начинают тяжело дышать.

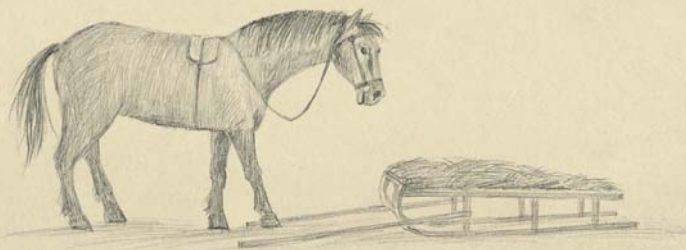
Функциональное поле мифологического существа уряк включает в себя несколько ключевых характеристик. Наиболее постоянной из них является его способность появляться и исчезать по своему желанию, при этом демонстрируя свое присутствие человеку. Его появление негативно сказывается на психическом и эмоциональном состоянии человека, а также может повлиять на здоровье домашнего скота, что подчеркивает его зловещую природу. Пугать своим появлением, вызывать страх, растерянность, помрачать рассудок, сбивать с пути, заманивать в опасные места, парализовав волю человека, — все эти действия и свойства характеризуют мифологического персонажа уряка.

Известно множество сюжетов о преследовании человека. Так, один из рассказов гласит, что однажды женщина ехала по лесной дороге и на мосту в овраге заметила странного человека в белом, стоявшего опершись на перила. Она проехала мимо, стараясь не обращать на него внимания, но человек вдруг попросился к ней в телегу. Когда женщина проигнорировала его просьбу, он превратился в огненный шар, стремительно покотившийся вслед за телегой, и затем обернулся маленькой девочкой. Она уселась в телегу, и лошадь едва передвигалась, как будто везла тяжелую поклажу. Испугавшись, женщина попыталась молиться, но это не помогло. Тогда, разозлившись, она начала ругать девочку, и после этого дух в облике девочки слез с телеги. Но и тогда он продолжил преследование, пугая женщину. Лишь когда она вспомнила защитный ритуал и перезапрягла лошадь головой к телеге, уряк мгновенно исчез.

Другой рассказ описывает, как женщина шла ночью мимо кладбища и заметила светящийся шар, который двигался навстречу. Он выглядел как туманный силуэт с мягким светом и, проходя мимо, внезапно остановился, а затем растворился в темноте. Шар сопровождал ее несколько раз, оставляя в душе глубокое беспокойство и ощущение тревоги.

В случае встречи с уряком, по народным традициям, необходимо сохранять спокойствие, избегать разговоров и взгляда ему в глаза. Отпугнуть уряка можно бранными

словами, так как считается, что он их не переносит. Еще одним способом считается перезапряжка лошади — нужно повернуть ее головой к телеге. В татарской культуре особое значение придается правильному обращению с покойниками с выполнением всех необходимых ритуалов, поскольку такие обряды помогают предотвратить появление беспокойных духов, подобных уряку.

Согласно народным представлениям, душа умершего не покидает этот мир сразу. В течение сорока дней она может возвращаться в дом, где жила при жизни. Поэтому этот период считается естественным, но в то же время опасным. В это время семья умершего соблюдает строгие правила: не запирают ворота и двери, не выключают свет, не готовят еду в доме. Все это делается для того, чтобы душа свободно пришла проститься и не задержалась в мире живых.

Если все обряды и запреты соблюдены, считается, что к сороковому дню душа находит покой. С этого момента она может появляться в мире живых лишь по особым дням, например по четвергам, чтобы услышать молитвы. Такие посещения считаются безопасными и даже необходимыми — это знак, что связь с предками сохраняется.

Но если обряды были нарушены или душа умершего по какой-то причине не нашла покоя, ее «возвращения» становятся тревожными. В таком случае она может превратиться в беспокойный дух и начать пугать живых. Такие случаи воспринимают как отклонение от нормы и возможную угрозу.

Подобные встречи с беспокойными духами описываются и в более близких к нам по времени рассказах. Один из них произошел с женщиной, ожидавшей ребенка, и наглядно показывает, как уряк может нарушать покой даже в собственной семье.

«Когда я была беременна, на время переехала к матери в деревню. Сначала все было спокойно, но вскоре начались странности. Ночью я просыпалась и видела перед собой женщину — нашу

дальнюю родственницу, которая давно умерла. Она не говорила ни слова, просто стояла и смотрела на меня. Это была не живая женщина, а тень — я видела ее ясно и точно знала, что это не сон.

Мы с матерью положили под подушку нож, как в деревне советуют от нечистой силы. Не помогло. Тогда один из родственников сказал:

— Это уряк — беспокойный дух. Надо поговорить с ним.

И посоветовал в сумерках или на рассвете пойти на кладбище, найти ее могилу, трижды громко сказать:

— Оставь меня в покое! Не приходи! Ты мне не нужна!

А потом воткнуть в могилу осиновую ветку — уряк этого испугается.

Я все сделала, как он сказал. С тех пор она больше не появлялась. Не знаю, зачем она приходила, но главное — больше не возвращалась».

Мифологический персонаж уряк — это символ того, как народное сознание воплощает идеи о неразрывной связи между мирами живых и мертвых. Через века уряк остается неизменным напоминанием о трагических местах, отголосках прошлого и тех, кто не нашел покоя. Его присутствие в татарской мифологии подчеркивает важность культурных традиций, ритуалов и уважительного отношения к памяти умерших.

Если все сделано правильно, душа уходит спокойно. Но если ритуалы нарушены или память забыта, появляется риск «возвращения». Уряк воплощает этот страх — не просто дух умершего, а тревожное последствие нарушения порядка. Его фигура подсказывает: забота о памяти и предках — это не только уважение к прошлому, но и защита настоящего.

Шурале

Шурале (*шүрәле*) — так называют одного из самых известных и загадочных персонажей татарской мифологии. Интересно, что *шурале* бывает как мужского, так и женского пола. Однако в легендах и мифах его чаще изображают в образе одинокого мужского существа, встречающегося людям в дремучих лесах.

Шурале напоминает человека, но его внешний вид причудлив и устрашающ. Он высокого роста, с длинными пальцами, покрытыми жесткими ногтями, длина которых может быть такой же, как у человеческого пальца. Особенностью *шурале* является рог на голове, что делает его еще более зловещим и необычным. Все его тело покрыто густой шерстью.

Впрочем, иногда рассказывают, что тело у него голое. Примечательно, что по представлению татар *шурале* имеют очень большие груди, которые они обыкновенно закидывают себе на плечи. А некоторые уверяют, что иногда на берегах рек и в оврагах можно найти выпавшие ногти *шурале* (*шүрәле тырнагы*). Каким образом этот дух теряет свои ногти, неизвестно.

Ногти *шурале* — белемниты, т.е. окаменелости, которые находят в поймах рек и на лугах.

Их хранят дома и пользуются ими при лечении ран. Обычно в таком случае мнимым ногтем *шурале* прикасаются к телу больного и произносят при этом заговор:

*Ак таш агарып ята,
Күк таш күгәреп ята,
Кара таш кан тарта.*

*Белый камень лежит — белеет,
Серый камень лежит — сереет,
Черный камень кровь вытягивает.*

Живет *шурале* только в темных, дремучих лесах, где редко бывают люди. В таких местах царит таинственная тишина, нарушаемая лишь звуками природы и, возможно, голосом *шурале*, который может прозвучать, как зов заблудшего. Чаще всего *шурале* появляется на рассвете или во время заката, когда солнечный свет еще слаб и окружающий лес окутан сумраком. Именно в такие часы он наиболее активен, готов встречать путников и устраивать свои хитрые игры.

Одним из самых известных признаков *шурале* является его глупость — его легко обмануть. Он любит поговорить и часто первым начинает задавать вопросы человеку, с которым столкнулся. *Шурале* боится воды и поэтому старается избегать мест с реками и озерами. Эта особенность может быть использована против него в моменты опасности.

Существуют определенные правила, как защититься от *шурале*: не стоит заходить в лес после заката и лучше всего взять с собой собаку. Она может отпугнуть *шурале*, так как он боится этих животных. Также говорят, что показывать зубы *шурале* опасно: увидев их, он может защекотать человека длинными пальцами до смерти.

Одна история рассказывает о том, как лесоруб встретил *шурале* и сумел перехитрить его. Когда человек рубил дрова, к нему подошел *шурале* и предложил поиграть в щекотку. Лесоруб, уже наслышанный о проделках этого существа, согласился, но хитроумно завлек *шурале* к дереву, которое раскалывал с помощью клина. Он попросил *шурале* помочь, засунув пальцы в щель, чтобы расширить ее. *Шурале* послушался, но в тот момент, когда он вставил пальцы, лесоруб выбил клин, и пальцы *шурале* оказались защемлены. От боли он закричал, а на его зов сбегались другие *шурале*, чтобы помочь товарищу. На вопрос «Кто защемил твои пальцы?» *шурале* ответил: «*Былыр кысты*», что означает «защемил еще в прошлом году». Сородичи его посмеялись над ним и сказали: «Что же ты вспомнил об этом только сейчас?» Так и появилась присказка о *шурале*, не слишком сообразительном, но очень доверчивом существе.

Шурале известен своими ночными проказами. Одно из известных занятий *шурале* — скачки на чужих лошадях. Жители деревень замечали, что их лучшие лошади по утрам возвращались с поля измотанными и взмыленными, словно после долгого, безумного бега.

Как-то один хитроумный хозяин решил поймать проказника с поличным — он вымазал спину своей лошади смолой и выпустил ее на пастбище. Ночью *шурале*, не подозревая подвоха, оседлал лошадь и, как обычно, вскочил на нее задом наперед. Наскакавшись вдоволь, он попытался спрыгнуть, но был прочно приклеен

к лошади смолой! Когда лошадь прибежала во двор, хозяин взял дубину и как следует проучил нахального ездока. С тех пор *шурале* больше не решался кататься на лошадях, принадлежащих людям.

*Былыр кысканга был
кычкырмыйлар.*

*По зажатому в прошлом году
не голоса в этом.*

Существует и рассказ о деревне, которую *шурале* проклял за то, что жители поймали его и избили.

Однажды женщины деревни заметили, что их лошади возвращаются с пастбища усталые и взмыленные, и решили выследить обидчика. Они намазали спину одной из лошадей смолой и поджидали, когда же на ней появится *шурале*. Ночью они увидели, как он скачет на лошади, прилипнув к ее спине и громко крича от страха. Женщины с ухватами набросились на него, а старик Шамсутдин посоветовал затопить баню, чтобы там его наказать. Когда *шурале* оказался в бане, он не выдержал горячего дыма и проклял деревню перед смертью, сказав: «Пусть в вашей деревне не будет больше шести домов и станет меньше семи!» После этого страшного проклятия деревню настиг пожар, и из шестидесяти домов уцелели только шесть. С тех пор там не могут построить больше домов: стоит возвести новый — он тут же сгорает.

*Былырны шурале
дә тапмаган.*

*Даже шурале не нашел
прошлый год.*

Чытыр-чатыр,
Астында куян ятыр.
Татар күрсә атып алыр,
Шүрәле күрсә ятып калыр.

Под буреломом
Спрятался заяц.
Коль увидит татарин — подстрелит,
Коль увидит шурале — с места не сдвинется.

Если в традиционных представлениях *шурале* предстает как озорной и опасный лесной дух, который может защекотать человека до смерти или запутать его в чаще, то сегодня этот образ выходит за рамки простого мифологического существа. В современной литературе, кинематографе и искусстве *шурале* часто становится символом природы, напоминающим о хрупкости экологического баланса и необходимости бережного отношения к лесу; метафорой человеческих страхов — как внешних (неизвестность, дикая природа), так и внутренних (сомнения, искушения); героем ироничных и философских сюжетов, где его традиционные черты обыгрываются в новом ключе. Кроме того, *шурале* все чаще появляется в массовой культуре: от мультфильмов и комиксов до рекламных кампаний, где он выступает в роли национального бренда, связывающего прошлое и настоящее. Таким образом, *шурале* из простого фольклорного персонажа превратился в многогранный культурный символ, который не только сохраняет связь с традицией, но и помогает осмысливать современные реалии через призму народной мудрости.

Юха

Юха, или, как ее еще называют, *юха елан*, что означает «змея юха», представляет собой древнего персонажа мифов и легенд, живущего у водоемов и обладающего особыми характеристиками и способностями.

Юха не имеет определенного пола, что подчеркивает ее мифическую природу и указывает на ее отличия от обычных людей и животных. Это существо зачастую предстает в разных обликах, что делает ее еще более загадочной и непредсказуемой.

Юха в своем истинном виде — это огромная змея с длинным хвостом. Однако она обладает способностью перевоплощаться в прекрасную девушку или юношу (чаще принимает женский образ), привлекающих своими внешними данными. Ее красота необычайна, но опасна. Именно так юха заманивает людей и губит их.

Юха обитает в таинственных и живописных местах — на берегах рек и озер, где можно услышать ее пение или заметить, как она расчесывает длинные волосы, сидя на камне у воды. Эти места становятся естественными ловушками, привлекающими

молодых людей, которые, будучи очарованы ее видом, не замечают угрозы.

Сущность юхи особенно активизируется летом, когда воды рек и озер полны жизни и кристальной прохлады, а люди более склонны к походам и купанию. Именно в это время она чаще всего принимает облик человека и выходит на охоту.

Одиноким джигит встретил у проруби красивую девушку. Они стали жить вместе, и девушка делала всю работу по дому, пока джигит постепенно не стал слабеть и болеть. Подозрения подсказали ему, что перед ним — юха, и он отправился за помощью к дяде. Дядя, узнав об опасности, построил железную баню, куда запер девушку. Когда та поняла, что ее обманули, было поздно: юха в виде змея осталась внутри, сгорев там.

*Елан, йөз ел торса, аждаһага;
аждаһа, мең ел торса,
юхага эйләнә.*

*Змей, проживший сто лет,
превращается в аждаху;
аждаха, проживший тысячу лет, в юху.*

Юха, будучи древним змеем, которому насчитывается 1000 лет, выделяется несколькими характерными чертами, по которым ее можно отличить от обычного человека: изо рта у нее всегда пахнет падалью, что выдает ее нечеловеческую природу; у нее нет пупка на теле в человеческом облике; и она страдает от постоянной, буквально неутолимой жажды, требующей много воды; юха живет всего 49 дней после превращения в человеческое существо, затем вновь обретает змеиный облик и покидает землю.

Юха — смертельно опасное существо, способное как физически поглотить свою жертву, так и полностью исто-

щитъ ея душевныя силы, оставляя человека опустошенным и изможденным, как будто сама жизнь вытекла из него. Считается, что победить юху можно лишь одним способом — сжечь ее в железном зданіи без окон и дверей, так, чтобы она не могла выбраться и исчезнуть в воде. Это регламент поведения и основа защиты, к которой прибегают смельчаки, рискнувшие выйти против этого создания.

Истории о юхе полны загадок и пугающих подробностей. Одной из главных ее особенностей является умение обольщать людей, особенно мужчин, которых она способна очаровывать настолько, что они забывают обо всем. Она становится их женой, а затем постепенно «поглощает» их, лишая жизненных сил.

Однажды сын падишаха встретил у реки прекрасную девушку и влюбился в нее. Они поженились, но с каждым днем юноша становился все более изможденным. Заподозрив неладное, родители юноши узнали, что его супруга — та самая юха. Чтобы спасти сына, они построили для нее железный дворец без окон. Когда девушка вошла в него, ее замуровали и подожгли. Вскоре из дворца раздались ужасающие удары, когда юха, обратившись в огромного змея, пыталась вырваться, но сгорела.

Можно сказать, что образ юхи в татарской мифологии представляет собой сложный синтез древних верований и народной мудрости. Особенность юхи заключается в ее двойственной природе — с одной стороны, это тысячелетний змей с характерными демоническими чертами, с другой, соблазнительный образ, заманивающий жертв своей неестественной красотой. В современном прочтении юха перестает быть просто мифологическим персонажем, превращаясь в многогранный символ, предостерегающий от разрушительных страстей и напоминающий о необходимости осторожного отношения к соблазнам.

Часть III

•

Мифологизированные предметы и объекты

предметы
и объекты

Волосы

Волосы (*чәч*) с древних времен занимают значительное место в мифологии и фольклоре татар, символизируя жизненную силу и энергию, а также социальный и духовный статус человека.

Стрижка волос всегда была регламентирована. Существовали определенные дни, когда можно было стричь волосы, а в другие дни это делать было запрещено, так как считалось, что это может привести к ухудшению здоровья или даже к смерти. Беременным запрещалось стричь волосы до рождения ребенка, чтобы не укоротить его и свой жизненный путь.

Первые волосы новорожденного (*карын чәч* / утробные волосы) стригли как можно раньше, желательно до истечения *кырыгы* (сорокодневия), иначе была высока вероятность слеза. Такие волосы не сжигают и не выбрасывают — их хранят, завернув в бумагу или кусочек ткани, иногда их забирает с собой человек, который постриг ребенка, вместе со специальным подарком.

В связи с первой стрижкой волос ребенка мужского пола проводился праздник (*чэч туге* / свадьба волос), на котором ребенку дарили подарки. Вместе с тем первые состриженные волосы новорожденного взвешивались и соразмерно их весу давали подаяние (*сэдака*).

Отрезанные волосы имели особую магическую силу: их использовали в различных обрядах и заклинаниях, часто для защиты от злых духов или для выполнения желаний. Расчесывание волос также имело магическое значение. Считалось, что во время расчесывания можно вычесать злые мысли и неудачи. При этом выпавшие и отрезанные волосы нельзя было просто выбрасывать — их сжигали или закапывали, чтобы предотвратить их использование в колдовстве, для того чтобы шайтан¹⁶ — в исламе представитель категории злых духов, враждебных Аллаху и людям, — не забрал их себе или же птицы не свили из них гнездо, иначе будет болеть голова. Татары верили, что с наступлением смерти человеку предстоит ответить за каждую часть тела, за каждый утеранный волос и ноготь, поэтому при сжигании волос говорили: «*Көл бул, ахирәттә гөл бул*» (Будь золой, в загробном мире будь цветком).

Волосы использовались в лечебных целях. Считалось, что волосы могут помочь излечить человека от болезней или защитить его от них. Первые волосы ребенка использовались при сглазе: для этого поджигали волосы и окуривали их дымом

«пострадавшего» от сглаза ребенка, поэтому состриженные волосы обычно завязывали в узелок и хранили, иногда подвешивая к колыбели. В то же время скорость исцеления от крапивницы (*буре уы*) зависела от цвета волос: черноволосого человека исцелить было сложнее.

Волосы использовались не только во время лечения болезней, но и в обрядовой культуре. Во время родов *кендек аби* (повивальная бабка) развязывала все узлы на платье, расстегивала пуговицы, расплетала косы роженице. По поверьям татар, проживающих в Поволжье, узлы и завязанные шнурки затрудняют роды и приводят к неблагополучному исходу, а также оказывают вредное влияние на ребенка.

В свадебном обряде коса невесты являлась показателем ее социального статуса. Во время проводов девушки в дом жениха исполняли свадебные обрядовые песни «*яр-яр*», после которых волосы девушки заплетались в две косы. В погребальном обряде волосы расплетали и складывали на груди.

Длинные распущенные и непокрытые волосы считались характерным признаком персонажей нечистой силы: *йорт иясе*, *су иясе*, *албасты*, *юха* и др. В быличках обычно в лунные ночи *су иясе* и *юха* сидят на берегу и расчесывают свои распущенные волосы. По поверьям татар, *йорт иясе*, если желает добра, расчесывает или заплетает волосы или бороду хозяина/хозяйки. При этом расплестать или стричь волосы или бороду нельзя, иначе хозяин дома может умереть, остаться инвалидом или же его настигнет другое несчастье.

Волосы также являлись одним из атрибутов жертвоприношения духам-хозяевам, например *су анасы* или *урман иясе*: при переправе через реку или при входе в лес необходимо оставить духам-хозяевам монету или волос со своей головы, а также произнести заговор:

*Алла Тәгаләм илгә-мәргә
Ризык дәүләт яусын.
Яшүсмерләр бәхетенә,
Олы-карылар бәхетенә,
Мосафирлар бәхетенә,
Туган нарасыйлар бәхетенә,
Кара күзле хайваннар бәхетенә,
Кош-кортлар бәхетенә.*

*Аллах, пусть на всех
снизойдет благодать.
На счастье молодых,
На счастье пожилых,
На счастье путников,
На счастье новорожденных,
На счастье черноглазых животных,
На счастье птиц.*

Волосы в татарской мифологии и обрядовой практике представляют собой сложный и многозначный символ, тесно связанный с представлениями о жизненной силе, социальном статусе и духовной чистоте. От рождения до смерти волосы сопровождали человека, становясь не просто частью тела, но важным элементом сакрального пространства. Ритуалы, связанные с волосами (первая стрижка младенца, свадебное заплетание кос, посмертное расплетание), отражали ключевые переходные моменты в жизни человека, маркируя изменение его социального и духовного статуса. Одновременно волосы служили мощным оберегом и лечебным средством, а также выступали как жертвенный дар духам-хозяевам местности. Эта сложная система представлений, объединяющая магические, медицинские и социальные аспекты, демонстрирует глубокую семиотическую значимость волос в традиционной культуре татар.

Ворота

Ворота (*капка*) — в фольклорной картине мира — символически значимое сооружение, представляющее собой границу между своим пространством (домом и двором) и чужим, внешним миром и оберегающее свое от чужого, опасного. В контактах семьи и общины ворота выполняют коммуникативную и оценочную роль (извещение о смерти, рождении, свадьбе и т.п., обозначение дома согрешившей девушки в знак общественного осуждения и осмеяния и т.п.). Ворота, являясь границей, символизируют акт контакта с внешним миром, что требует ритуального оформления и символической защиты.

В фольклоре в целом сохраняется устойчивое восприятие образа ворот как границы, символически связанной с определенными образами и ситуациями, — открывать и запираить ворота, стоять в воротах и у ворот, выходить за ворота, полевые ворота и так далее.

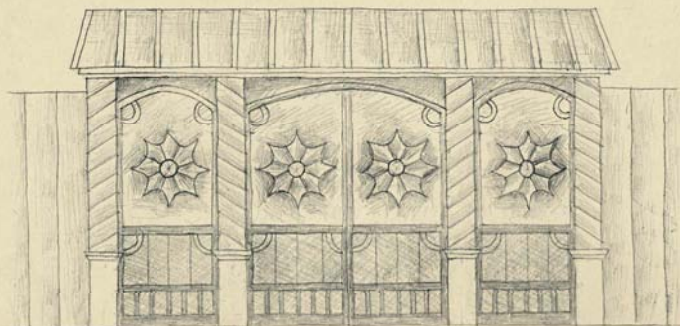
В свадебном обряде ворота представляют собой ритуально преодолеваемую преграду на пути участников обряда. Ворота запираются и перед сватами при вступлении

в дом невесты, и перед свадебным кортежем при въезде в дом жениха. У запертых ворот происходят ритуальные диалоги, которые затем завершаются выкупом ворот.

Во время обряда религиозного бракосочетания *никах* ворота запираются, чтобы между отношениями молодой пары не было и дуновения ветра «*араларыннан жил дә үтмәсен, никахлары нык булсын*». В свадебном обряде некоторых этнотерриториальных групп татар при въезде во двор жениха или невесты стреляют из ружья, чтобы отпугнуть нечистую силу. Наряду с этим действием в традиции татар сохраняется обряд *таянчыкка таяну* (досл. — опереться на опору), суть которого заключается в следующем:

Невесту перед воротами дома жениха встречают дядя жениха со своей женой. Как только невеста начинает подходить к воротам, данная пара дает ей опереться на овцу и говорит: «Мы теперь твоя опора. Мы тебе поможем». При въезде в ворота молодых обсыпают зерном, конфетами с пожеланием богатой и благополучной жизни.

В похоронно-поминальной обрядности татар сохраняются верования и запреты, связанные с воротами. Покойник должен быть вынесен из ворот ногами веред, если сделать наоборот, то за ним последуют и остальные. Сразу же после выноса покойника из ворот в доме разжигают огонь, заносят несколько

поленьев, для того чтобы душа не могла вернуться обратно. Провожжающие покойника не должны выходить из больших ворот. Этот запрет действует и в обычной жизни: людям запрещается выходить и заходить во двор через них.

Магическая символика ворот особенно велика в обрядах первого выгона скота, оформляемых разными ритуальными действиями. Хозяева протягивают в воротах веревку, которая используется для привязывания коровы к стойлу, для того чтобы скотина перешагнула через нее, и приговаривают при этом «возвращайтесь прямым, как эта веревка». В другом варианте вместо веревки используется палка для выгона скота, которую затем хранят до окончания сезона, или пояс от халата или платья хозяйки.

В рекрутской обрядности существует традиция вывода уходящего из дома спиной вперед, для того чтобы он так же лицом вернулся обратно. У полевых ворот (*басу капкасы*) рекрут прощается с деревней. До околицы рекрутов провожают только друзья и близкие родственники. В современной традиции татар Самарской области существует обычай привязывания платка к табличке с названием деревни. Здесь происходит окончательное прощание рекрута с родительским домом, что предполагает сворачивание связи с родиной в символ.

Ворота — объект почитания и защиты, сохраняющий благополучие дворового пространства. У татар существует традиция при установке столбов для ворот засыпать на дно ямы серебряные монеты, чтобы в доме были богатство и достаток. С целью защиты дома от сглаза и нечистой силы на ворота устанавливают обереги (ветка рябины, подкова и т.п.).

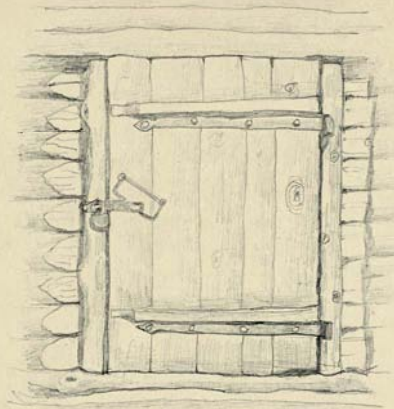

Дверь

Дверь (*ишек*) в традиционной культуре многих народов, в том числе и у татар, воспринимается как граница дома, разделяющая его на внутренние и внешние части, а также окружающий человека мир — на свое (освоенное) и чужое (неосвоенное) пространства. Дверь в силу данной функции является местом исполнения ряда ритуалов семейной обрядности, совершения магических действий, направленных на изгнание зла, недуга, порчи, знаковым объектом в фольклоре и т.д. Все сюжеты, мотивы и ритуалы, совершаемые в контексте обрядовой культуры, проводятся как с дверью, так и с ее отдельными частями (порог, дверные косяки, замочная скважина, ручка двери).

В сказках, пословицах и народных приметах дверь часто имеет символическое значение. Она может олицетворять границу между реальным миром и фантазией, безопасностью и опасностью. Например, открытая дверь может символизировать добро, свободу и возможности, а закрытая — зло, страх и ограничения.

В обрядовой практике дверь чаще всего служит объектом магических действий, направленных на защиту семьи и дома в момент важных событий (роды, свадьба, смерть). В семейной обрядности магических действий, связанных с дверью, достаточно много. Вот одно из них:

Когда жених со своими друзьями подъезжает к дому невесты, то подружки и младшие сестры невесты останавливают перед дверями представителей свадебного поезда, создавая некую преграду с помощью натянутой перед дверью веревки. Этот обряд называется *ишек бавы* (досл. — дверная веревка). Здесь с дружек требуют выкуп за невесту, поют специальные обрядовые песни, в которых восхваляют красоту, ум, сноровку невесты, тем самым стараются повысить ее статус. Символика границы проявляется также в следующих действиях: как только невеста перешагивает порог дома жениха, тут же вешает над дверью вышитое полотенце для благосклонности предков жениха.

Семантика границы раскрывается и в похоронной обрядности. Как и многие народы, татары выносят усопшего из дома ногами вперед, и при этом все близкие про себя приговаривают: «*Бәхетләребезне алып китмә, хәер-фатихаларыңны калдырып*

кит!» (Не уноси с собой наше счастье, наше благополучие, оставь нам свое благословение!). К началу процесса погребения женщины, близкие к усопшему, начинают полную уборку дома, которая становится необходимым условием очищения, освобождения от скверны смерти. Мыть полы начинают от дверей к переднему углу, «чтобы не выносить смерть».

По традиционным представлениям татар, дверь является местом проникновения потусторонних сил. По строго соблюдаемому регламенту на ночь двери необходимо запирать со словами *бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим* (во имя Аллаха Милостивого, Милосердного) и при этом нельзя наступать на порог. Наряду с этими правилами во многих татарских семьях существуют и магические действия, направленные на постоянную защиту двери. Согласно традиционным представлениям татар, подкова, ветка можжевельника и др. служат оберегами от нечистой силы. Данной семантикой объясняется традиция декорирования наддверного пространства шамаилями (настенными панно с изображением святых мест и мечетей, а также изречений из Корана, афоризмов, фрагментов поэтических произведений).

Дорога

Дорога (юл) представляет собой ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции. С одной стороны, дорога соотносится с жизненным путем, путем души в загробный мир и представляет собой «нечистый» локус, место появления мифологических персонажей. С другой, «дорожная ситуация» зависит от статуса путника и реальных целей, ради которых он отправляется в путь.

Мифологическая семантика и ритуальные функции дороги в наибольшей степени проявляются в местах скрещения двух или нескольких дорог (перекресток), на развилках, в местах пересечения дорогой ворот, границ села и других рубежей.

На дороге обитает нечистая сила, пугающая путников по ночам, сбивающая с пути. Столбы пыли, поднимаемые на дороге сильным ветром, объясняют действием злых духов. Татары называют это явление *пәри туе* (праздник, свадьба *пәри*). Местом бесчинств персонажа нечистой силы *джен* является не обычная дорога, а перекрестки, дороги рядом с кладбищами, мосты через

реки — в каждом из этих мест можно встретить одного или нескольких *джен*, которые путают человека, сбивают его с пути, заводят на бездорожье. Также на дороге может повстречаться *убыр*, т.е. демоническая душа, которая блуждает по ночам и предстает перед человеком в виде стога сена, огненного шара или скопления огоньков. *Убыр* нападает на человека, который после этого заболевает, превращается в *убыра* или блуждает, потеряв дорогу.

Вместе с тем дорога может иметь своего хозяина, *юл иясе* (дух-хозяин дороги), который может повстречаться путникам в трудной ситуации. Функции духа-хозяина дороги часто закрепляются за *Хызыр Ильясом*, который помогает заблудшим путникам. Ввиду этого в традиции закрепились формула «*Хозер Ильяс юлдаш булсын!*» (Пусть *Хызыр Ильяс* будет спутником), произносимая при отправлении в путь и выходе из дома.

Выбрасывание различных предметов на дорогу является способом изгнания болезней, избавления от вредоносных предметов и явлений. Интересный способ заговора использовался при лечении лихорадки.

Для этого из разноцветных кусочков ткани изготавливали куклу. Ею три раза проводили вокруг головы больного, произнося при этом: «*Ходай! Избавь сего [имя больного] от этой лихорадки и оную лихорадку в эту куклу пошли*». После чего знахарь отправлялся на перекресток дорог

и там выкидывал куклу. Во время пути туда и обратно он не должен был ни с кем разговаривать, задавать и отвечать на вопросы. Подобные действия, связанные с выбрасыванием заговоренных предметов на перекрестке дорог, характерны для лечения многих видов болезней.

В семейно-бытовой обрядности дорога соотносится с жизненным путем ребенка или молодых в одном случае и путем покойника в загробный мир в другом. В свадебном обряде практиковалось символическое перегораживание дороги. Например, при переезде свадебной процессии из дома невесты в дом жениха дорогу перегораживают веревкой, бревнами и т.д. и требуют выкуп. При выходе из родительского дома невеста не должна оглядываться назад. Делается это для того, чтобы она жила счастливо со своим мужем и не возвращалась обратно.

В похоронно-поминальной обрядности по дороге покойника провожают в последний путь. У некоторых этнотерриториальных групп татар существует ритуал преграждения обратного пути умершего. Для этого на окраине деревни люди, несущие покойника, оборачивают его против часовой стрелки или по возвращении домой очерчивают круг вокруг дома. Провожаящим в свою очередь запрещается выходить и заходить через большие ворота, чтобы не прервать их жизненный путь.

Матица

Матица (матча) — бревно, служащее основанием для потолка и всего верха жилища и имеющее конструктивное и семиотическое значение в пространстве дома. Потолок и матица воспринимаются как единый конструктивный элемент дома. Отражение этого восприятия зафиксировано в татарских народных загадках.

*Бердән — берәү,
алтмыш егеткә терәү.*

*Один-единственный,
а сам подпорка шестидесяти парням.*

А еще есть такие загадки: «Шестидесяти лошадям одна уздечка» и «Алып-богатырь поперек лег, а его дети на нем лежат». Ответ один — матица.

Укладка матицы является одним из центральных моментов строительной обрядности. Под матицу обязательно кладут серебряные монеты и переписанный от руки *аят аль-Курси* для обеспечения благополучия и достатка в доме. До поднятия матицы один из плотников обвязывал ее шубой, которую после укладки матицы убирали.

Нередко при поднятии матицы хозяйка пекла мучные изделия с различными начинками — *бөккән*, которые привязывали к брусу, чтобы в новом доме жилось сытно. По завершении укладки матицы хозяева обязательно накрывают стол с угощениями, за который, помимо плотников, приглашаются и соседи. При этом произносятся следующие пожелания:

*Өйнең матчасы куелды. Йортыгыз имин булсын,
саулык белән яшәргә язсын, игелеген үзегез күрегез,
матчагыз, нәселегез нык булсын.*

*Матицу уложили. Пусть в вашем доме будет
здоровье, живите благополучно.
Пусть матица и род ваш будут крепкими.*

С поперечным положением матицы связана ее роль как символической границы между внутренней (передней) частью дома и внешней (задней), поэтому гость, вошедший в дом, садился около входа и не должен был заходить за матицу без приглашения хозяев.

В свадебном обряде матица является ритуально нагруженным локусом: придя в дом, сваха бросала взгляд на матицу и садилась под ней, чтобы посватать невесту; зайдя в дом, сваты останавливались перед матицей и не должны были заходить за нее.

Место под матицей является границей между реальным и потусторонним пространством. Сакральная семантика матицы наблюдается в обустройстве интерьера дома. Например, татары

стараются не располагать спальное место или же подвешивать колыбель под матицей, потому что в мифологическом сознании она воспринимается зоной контакта с мифологическими персонажами (*албасты* и *джен*). Для защиты дома от посягательства нечистой силы в щель между матицей и потолком кладутся обереги (веточка можжевельника, молитвы).

Матица как сакральная граница «своего» и «чужого» функционирует и в рекрутской обрядности. Рекрут, перед тем как покинуть отчий дом, макает руку в тесто и оставляет на матице след от руки, который максимально бережно хранится до его возвращения.

Ногти

Ногти (*тырнав*) — мифологизированная часть тела человека, место средоточия жизненных сил. Наряду с волосами, зубами, слюной, потом ногти воспринимались как заместитель человека, поэтому все действия, производимые с ногтями, были строго регламентированы. Ногти могли использоваться как для наведения порчи, так и в качестве оберега.

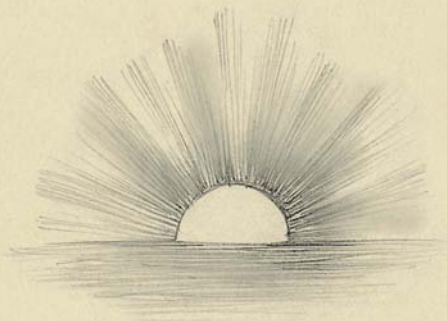

Стрижка ногтей регламентировалась в зависимости от времени суток, дней недели, возраста человека и ритуальных запретов. Ногти разрешалось стричь по определенным дням, преимущественно в пятницу, перед пятничной молитвой. Новорожденным первые ногти, как и волосы, стригли на сороковой день после рождения. При этом окунали пальцы ребенка в тарелку с мукой и приговаривали:

*Ашлы-сулы булсын,
рәхим-шәфкатьле булсын!*

*Пусть у него будет пища,
пусть он будет милосердным!*

Нельзя было стричь ногти вечером после захода солнца, иначе сократится продолжительность жизни. В связи с этим бытовало поверье, что шайтан обращается к своему ребенку, любя, со словами «*кич кискән тырнак кук*» (как ноготь, состриженный вечером). Если остригать ногти во вторник и четверг, говорили, что на пальцах будут заусенцы. Ногти подрезали коротко, так как верили, что под длинными ногтями живет шайтан.

Татары, проживающие в Западной Сибири, обрезки ногтей собирали и куда-нибудь прятали, но не бросали в огонь, чтобы не болели пальцы.

Татары, проживающие в Поволжье, напротив, старались избегать выбрасывания и всякого другого неправильного обращения с ногтями, так как верили, что с наступлением смерти человеку предстоит ответить за каждую часть тела, за каждый утеранный волос и ноготь. Также бытовало поверье, что шайтан собирает выброшенные ногти, поэтому ногти сжигали, приговаривая при этом:

*Мин — (исеме), син тырнак.
Ахирәттә тор мине тыңлап!*

*Я — (имя), ты — ноготь.
На том свете жди моего зова!*

Ногти, как и волосы, использовались для лечения болезней и в качестве оберега. Например, при заговаривании болезни, произошедшей от падения в нечистом месте (*жир тоту, жир тию*) и насланной духом-хозяином земли (*жир иясе*), знахарка использовала семь предметов (волосы, ногти, угли, золу и др.). Она заворачивала их в старую тряпку и относила на перекресток, где оставляла, приговаривая при этом:

*Жир иясе — жирән ат,
Миннән яулык, синнән саулык.*

*Дух-хозяин земли — рыжий конь,
От меня платок, от тебя здоровье.*

В народной демонологии длинные ногти считаются характерным признаком нечистой силы: ногти *шурале* твердые и имеют длину человеческого пальца; *дию* характеризуется пальцами длиною в пядь и твердыми большими ногтями и др.

С ногтями связан ряд примет и запретов: если на ногтях появляются белые пятна, это сулит обнову или счастливую жизнь.

Нож

Нож (*пычак*) — мифологизированный предмет, обладающий магическими свойствами. Он используется в качестве оберега наряду с другими острыми и режущими инструментами (ножницы, топор, коса и др.).

Оберегающая функция ножа в народной традиции обусловлена семантикой обезвреживания предполагаемой опасности, способностью «уколоть», «разрезать», «разрубить» и тем самым уберечь от опасности. Повсеместно нож используют для защиты в обрядах перехода или связанных с ними ситуациях.

Наряду с иглой, солью, углем, веточкой рябины, куском хлеба и другими оберегами нож кладут под подушку или в колыбель ребенка, чтобы защитить его от сглаза, не допустить к нему нечистую силу, которая могла бы обменять его на своего детеныша. Нож кладут рядом с женщиной в положении, чтобы он защищал ее от нечистой силы; нож кладет рядом с собой вдова, чтобы к ней

не приходил ходячий покойник в образе ее мужа; нож кладут под подушку покойного, чтобы к нему не приходил шайтан.

При использовании ножа в охранительных целях особую семантику имело такое действие, как втыкание или очерчивание круга с целью ограждения от нечистой силы. Во время раскопки клада ножом очерчивали круг, внутри которого велись раскопки. В это время хранители клада — *джен* — не могли дотронуться до человека, боясь импровизированного оберега. Считалось, что вихрь можно остановить, воткнув в него нож, тем самым убив *джен*, которые находятся внутри.

Использование ножа в медицинской магии обуславливалось его способностью отрезать, отсекаать, закалывать болезнь: если на глазу начал появляться ячмень, нужно было показать нож, после которого ячмень якобы исчезал. Нож использовался для символического разрезания невидимых «пут», которые якобы стягивают ноги младенца до того, как он научится ходить. В таком случае совершают обряд «*тышау кису*» (досл. — разрезание пут).

Ребенку связывают ноги плетеной веревкой и делают режущие движения — обрывают невидимые путы, «препятствующие» началу самостоятельного хождения. При этом приговаривают: «*Тышавын кисэм!*» (Разрезаю путы!).

В народной традиции нож соотносился с мужским началом, поэтому с его помощью пытались повлиять на пол будущего ребенка: чтобы родился мальчик, муж и жена должны были положить нож в супружеское ложе. Согласно примете, если со стола падает нож, пришедший после этого гость будет мужчиной, если ложка — женщиной.

Использование ножа как столового прибора определяется рядом предписаний и запретов: не разрешается есть с ножа или брать пищу через нож, чтобы не сделаться нездоровым; не следует подавать нож кому-либо острым концом, чтобы не поссориться с этим человеком; нельзя оставлять нож на столе на ночь, так как этого не любит дух-хозяин дома и др.

Окно

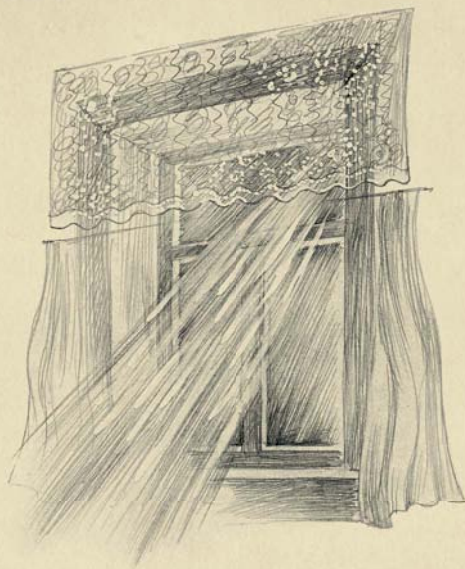
Окно (*тәрәзә*) — часть дома, являющаяся границей между своим (внутренним) и чужим (внешним) пространством и обеспечивающая связь обитателей дома с внешним миром. Пограничная роль окна прослеживается во многих жанрах устного народного творчества, обрядах и верованиях татар. Например, в загадках:

*Өйгә дә кермәгән,
Тышка да чыкмаган,
Ике битен яры каплаган.*

*И в дом не входит,
И на улицу не выходит,
Обе стороны прикрыты.*

В строительных обрядах закладка окон — один из важнейших этапов строительства дома. Зарубка окон проводилась

в строго определенной последовательности в процессе сборки сруба до начала самого строительства, так как татары верили, что окна — это глаза дома, а дом оставлять без глаз нельзя.

Семантика окна как медиатора между тем и этим светом проявляется в похоронном обряде и в поверьях, связанных с потусторонним миром. Через окна извне проникает не только солнечный свет, но и чужой взгляд, опасность, смерть, поэтому запрещалось смотреть в окно с наружной стороны вовнутрь дома, входить/выходить из окна, ночью смотреть в окно. Считалось, что это может вызвать нежелательные для хозяев последствия, вплоть до смерти кого-либо из жильцов, так как обратный порядок вещей был свойственным для обитателей потустороннего мира.

Наряду с дверью и печной трубой окно — это путь, по которому проникают души умерших и мифологические персонажи пробираются в дом и покидают его. Сравните в байтах мотив души-бабочки или же птицы:

*Тик жыллэре тэгэри чирэмдә,
Яшь белән катышып тэгэри.
Күбэләк талпына тәрзәдә...
Мин кайттым бит, елама, әни!*

*Только лишь ветра по траве катятся,
Смешавшись со слезами, катятся.
Бабочка подлетела к окну...
Я вернулся, мама, не плачь!*

Характерные для текстов этого жанра призывы умерших, адресованные к обитателям дома, свидетельствуют о том, что контакт с живыми предполагается именно через окно.

Окно является местом контакта с потусторонними существами: под окно подходит дух-хозяин дома или хлева, чтобы предупредить хозяев о чем-нибудь; через окно в дом проникает *джен*; *юха* облизывает окна; если сесть на подоконник, нечистая сила насылает болезни; ночью нельзя выглядывать в окно, иначе призовешь *шайтана*.

Охранительную роль играли обязательные атрибуты окон — шторы, занавески, резные наличники, узоры которых содержали в себе образы, прежде всего, животных и птиц, выступавших в татарской культуре в качестве оберегов. С этой целью перед окном дома сажали рябину, которая, по поверьям, обладает оберегающей силой.

Запрет выбрасывать из окна или давать что-либо в окно касается тех случаев, когда контакт с иным миром представлялся нежелательным, опасным или когда это считалось оскорбительным для пребывающих там сакральных сил: запрещалось выливать

в окно помои или воду, чтобы не запачкать находящиеся там души предков; запрещается выбрасывать из окна кости, иначе в дом проникнет молния; запрещается есть, сидя на подоконнике, иначе еду съест нечистая сила.

При этом выбрасывание из окна является одним из способов ритуального удаления из жилого пространства опасных и нечистых предметов или же избавления от нежелательных явлений. В частности, в окно выбрасывали железные предметы, чтобы прекратился град; через окно проводился ритуальный диалог мамы и знахарки при заговаривании цистита; через окно просили уйти лишай.

Текст заговора от лишая:

*Әм-әм әмрәмү,
Миң-миң миңрәмү.
Йөзеңә кара яктым,
Ана көчек курба,
Каян керсән, шунда чык.
Ишектән чык, тәрәздән чык,
Теллектән чык,
Каян тишек тапсаң, шуннан чык.*

*Ам-ам-амраму,
Мин-мин-минраму.
Покрыла твое лицо чернью,
Собака курба,
Откуда зашел, оттуда выходи.
Из двери выходи, из окна выходи,
Из любого места выходи,
Где отверстие найдешь, оттуда выходи.*

В народной традиции окно ассоциируется с родовыми путями, чем объясняется его использование в родильных и лечебных

обрядов (ср. открывание окон и других отверстий в доме для облегчения родов). Если в семье часто умирали дети, чтобы предотвратить смерть новорожденного младенца, а также чтобы вылечить больного ребенка, совершался обряд купли-продажи ребенка, при котором его продавали за символическую плату, передавая через окно знахарке. Существовал обычай заглядывать в окна того дома, в который шла повитуха, чтобы принять роды, чтобы предугадать судьбу новорожденного.

Вот текст мифологического рассказа о *Хызыр Ильясе*, который заночевал у повитухи и попросил ее заглянуть в окно, после того как она примет роды. Вернулась она домой, он и спрашивает: «Заглянула в окно?» — «Заглянула, да очень странные вещи увидела: мальчик, которого я только что приняла, сидит в лохани и с удовольствием купается». — «Ладно, пусть купается, доченька». На второй день бабушку опять позвали на роды. Бабушка смотрит в окно, новорожденный ребенок сидит и деньги считает, в руках тысячи да сотни. «Дедушка, что это за чудо?» — удивляется повитуха. На третий день опять повитуху вызывают. Смотрит бабушка, а ребенок веревки вьет. Привязал к ножке кровати и так старательно работает. Бабушка पुще прежнего удивилась и спрашивает у деда: «Что же они делают?» А дедушка отвечает: «Один вырастет — на корабле будет плавать, второй разбогатеет, товарами будет заниматься, а третий всегда будет в дороге, станет путешественником».

Дом без окон в мифопоэтической традиции воспринимается как отклонение от нормы, как жилище, связанное с иным миром, поэтому в народной традиции запрещается закладывать окна досками или переделывать их в дверь, иначе хозяев дома постигнет смерть.

Печь

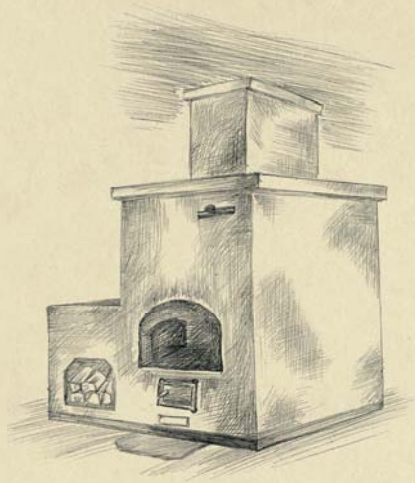
Печь (*мич*) в традиционном татарском доме являлась главной конструктивной частью строения, утилитарные и сакральные функции которой сохраняются и по сей день. Татарская пословица гласит:

Мичсез өй — мисез баш.

*Дом без печи, как голова
без мозгов.*

Тем самым печь являлась олицетворением и домашнего очага, и дома вообще. Доказательством этой мысли является и широко распространенное поверье о том, что после укладки печи дом нельзя оставлять без присмотра, то есть в нем всегда кто-то должен ночевать, иначе случится беда. Закладка печи и ее окончание ритуально обыгрываются в традиции татар посредством жертвоприношения или выпекания какого-нибудь мучного из-

деля во время первой топки с целью достижения дальнейшего благополучия в доме.

*Асылбикә асыл кия,
күлмәге жиргә тия.*

*Красавица одевается,
платье земли касается.*

Печь фигурирует во многих жанрах фольклора татар и осмысливается как живое существо, соотносимое с человеческим телом, примеры тому мы можем найти в загадках, в которых печь ассоциируется с женщиной:

*Ак тутамның авызы зур булса да,
аш ашый алмый.*

*Хоть рот у тетушки велик,
есть не получается.*

Огонь из домашнего очага — угли, которые выгребают из печи, истопленной напоследок в старом доме, земля из-под печи, кочерга, ухват, сито — все эти элементы представляют собой эманацию духа-хозяина дома, а сама печь является связующим звеном с духами предков. Незаметная, даже подчас скрытая от мужчин повседневная деятельность женщины протекала в присутствии и под защитой предков, идея существования которых была связана с домашним очагом. «Место покойника рядом с печью. На стол для него ставят тарелку, ложку, яйцо, кашу, чтобы он был сыт».

Возле печи произносят заговоры, совершают магические действия во время родин, свадьбы, похорон. Символическое значение приписывалось таким действиям, как заглядывать в печь, закрывать и открывать печь, дотрагиваться до печи, греть у нее руки, находиться на ней. В некоторых локальных традициях невеста при первом вхождении в дом мужа прикасается двумя руками к печи или опускает руки в муку. Это делается для того, чтобы познакомить духа-хозяина дома с новым членом семьи и пожелать достатка молодым. Когда девушка готовилась выйти замуж, ее мать или старшая замужняя сестра заранее предупреждали ее:

*Өйгә кергәч, беренче пичкә кара,
тәрәзгә карама, тәрәздә күз яше,
ә пич озын гомерле.*

*Войдешь в дом — первым делом посмотри
на печь, на окно не смотри, на окнах
бывают слезы, а печка — долголетняя.*

Вокруг печи также обыгрывается ситуация ухода рекрута в армию. Непосредственно перед выходом из дома для рекрутов устраивается последняя символическая трапеза, совершаемая рядом с печью или за столом, в центре дома. Это распространен-

ный повсеместно обычай вкушения хлеба и другой еды, полученной из рук матери. Действие всегда совершается в центре дома за столом и направлено на сохранение крупницы еды уходящего, что основано на вере в то, что еда притягивает путника домой «*ризыгы өенә тартып тора*».

Значение центра дома актуализируется и в обрядах, связанных с первым выгоном скота. В день первого выгона выполняет ряд обрядовых действий, направленных на закрепление связи скота с домашним пространством. Хозяйка кладет в отдельную посуду хлеб и воду, предназначенную для домашнего скота, и обносит ее вокруг печи три раза, после чего воду дает корове, а хлеб овцам. В некоторых районах практикуется кормление животного мукой с печной заслонки, а только что родившихся телят и ягнят подносят к печи, приговаривая при этом:

Пичти-пирди бул, таза бул.

*Будь сильным, как пэри и печь,
будь здоровым.*

В народной медицине и магии приобретает особое значение символика печи как границы между двумя мирами. У татар, как и у многих других народов, известен обряд перепекания ребенка. В традиции татар Ульяновской области данный обряд называется «*ныжы куыру*» и проводится в случае затрудненного мочеиспускания у новорожденного. Человек у двери стучит по порогу ухватом и начинает диалог, который сопровождается троекратным засовыванием в печь ребенка, уложенного на деревянную лопату:

- *Тутай, нәрсә куырасың?*
- *Ныжы куырам.*
- *Нәрсәнекен?*
- *Мачыныкын, кучукныкын.*

- *Тетушка, что печешь?*
- *Перпекаю ныжы¹⁷.*
- *Чью?*
- *Кошачью, собачью.*

Печь используется также в обряде замены имени, который выполняется в случае появления родинки, затяжной болезни или плаксивости ребенка. Взрослый человек поднимается на крышу дома и через печную трубу трижды выкрикивает новое имя ребенка, который сидит у печи.

Магическое значение печи находит проявление и в обрядах ухода в дорогу. Дом оказывается в символической зоне отчуждения: из него в день отъезда никому ничего не дают, стараются ничего не выносить, не убирать со стола и даже не выметать сор. В традиции татар повсеместно распространен обычай занесения в дом нескольких поленьев после провода человека в дорогу, чтобы у ушедшего не прервался жизненный путь «*озын гомерле булсын дин*».

В погребальном обряде, где также актуализируется символика ухода в путь, после смерти человека открывают заслонку, чтобы душа могла вылететь наружу, после похорон дотрагиваются до печи и зажигают несколько лучин, сообщая таким образом о смерти потустороннему миру, или заносят в дом несколько лучин, чтобы покойник не возвращался.

Подкова

Подкова (дага) — это изделие, предназначенное для защиты копыта рабочих животных, защитные свойства которого обусловлены апотропеической семантикой железа. Подкову чаще всего помещают на символической границе освоенного пространства: ее прибивают к порогу дома, кладут в основание фундамента при закладке дома, вывешивают над дверью, кладут или вешают в хлеву, чтобы защитить дом и его жителей от нечистой силы, сглаза, вредоносных мифологических персонажей и болезней. В некоторых случаях подкову вешают на границе домашнего пространства, и это имеет продуцирующее значение, а подкова воспринимается как амулет, способный принести, «притянуть» в дом удачу, счастье, плодovitость людей и животных, хороший удой скота.

Ат дагасыз булмас.

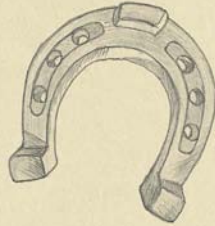

Коня без подковы не бывает.

*Ат аягын дагалатканда
бака да ботын сузган.*

*Когда коня подковывали,
и жаба ногу протянула.*

В татарских народных сказках подкова обладает волшебной силой. Например, в сказке «Таинственная подкова» («Серле дага») она является волшебным предметом, при постукивании которого появляются помощники, которые исполняют все желания главного героя. В данном контексте подкова представляется как связующее звено с потусторонним миром, что характерно и для других атрибутов коня, например хомута, уздечки, сбруи, которые также часто становятся средством установления контакта с нечистой силой.

*Ат кергән жиргә дуга керә,
дуга бар жирдә дага бар.*

*Куда заходит конь, туда
и дуга заходит, а где дуга,
там и подкова.*

Хлеб

Хлеб (*икмәк*) имеет важное значение в традиционном мировоззрении татар как конечный продукт земледелия и является одним из главных видов ритуально-обрядовой пищи.

С хлебом совершались многие обряды, которые были связаны с символикой отправления в путь. В день первого выгона скота хозяйка производила магические действия с хлебом: отрезала горбушку свежее испеченного хлеба, проводила ею вокруг печи и скармливала скотине, а оставшийся хлеб все вместе съедали. Проведение данного обряда помогало возвращению скотины домой. При проводах сына в армию мать дает ему кусок хлеба, часть которого он съедает, а другую часть сохраняют до его возвращения. Перед выходом в дорогу любому путнику необходимо дать кусок хлеба собаке. Все эти действия проводятся для того, чтобы сохранить жизнь ушедшего, способствовать его благополучному возвращению.

В то же время хлеб символизирует полноту доли, богатство и благополучие. В ритуальной традиции татар зафиксированы обряды, которые совершаются сразу же после переселения в новый дом семьи и *йорт иясе*, а также по мере необходимости — в течение жизни с целью умиловить духа-хозяина. Основным атрибутом пиршества является свежеспеченный хлеб и небольшие булочки, которые или съедаются всеми членами семьи, или передаются *абыстай*¹⁸, которая читает молитву для обеспечения благополучия дома, часть может быть также скормлена домашней скотине и размещена в хлеву. Именно после размещения необходимых «домашних» атрибутов в функциональных локусах, к которым также относятся предметы, являющиеся эманацией духа-хозяина, жилище обретает целостность.

Хлеб в культуре татар является наиболее сакральным видом пищи, с которым был связан целый комплекс запретов и предписаний, запрещающих кидать, выбрасывать хлеб, передавать через порог и т.д.

Заключение

Мифология татарского народа — это живое воплощение тысячелетнего опыта, глубоких знаний и особого восприятия мира, в котором каждый элемент природы обладает собственной душой, а каждый предмет — своим значением. Это особый способ понимания жизни, природы, отношений между людьми и невидимыми силами, окружающими нас. Через образы духов-хозяев, страшных существ и магических предметов народ выражал свои надежды и страхи, стремления к гармонии и справедливости. Татарская мифология — это не просто истории, это окно в прошлое, позволяющее лучше понять культуру, традиции и мировоззрение народа.

Изучая мифы и легенды, мы можем узнать, как древние татары взаимодействовали с миром вокруг, как они находили способы объяснить природные явления, сохраняли гармонию с окружающей средой и поддерживали духовное единение со своими предками. В этих текстах отражены не только страхи и надежды людей, но и их стремление жить в мире и балансе с природой, уважать ее законы и заботиться о своем окружении.

Важно осознать, что мифология — это не что-то застывшее и далекое. Она по-прежнему живет среди нас, в наших обычаях, в праздниках, в особом отношении к природе и ее обитателям. Мифологические рассказы о сверхъестественных существах, поверья и верования, связанные с повседневной жизнью человека, продолжают вдохновлять нас, напоминая о том, как тесно переплетены человеческая жизнь и природные силы. Они учат нас быть внимательными, осторожными, но и открытыми к магии и чуду, которые скрыты за повседневной завесой реальности.

Мы надеемся, что эта книга станет для вас не только источником знаний, но и вдохновением для новых открытий. Пусть мифология татарского народа подарит вам удивительные образы и идеи, заставит задуматься о вечных вопросах, об отношениях между людьми и природой, о добре и зле, о том, что действительно важно в жизни. Ведь мифы — это не только истории из прошлого, это послание нам, живущим сегодня, о том, как быть в гармонии с миром и самим собой.

Источники

Вахидов С. Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // ВНОТ. — № 4. — Казань, 1926. — С. 82–84.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М.: Наука, 1967.

Дәүләтшин Г. М. Төрки-татар рухи мәдәнияте. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1999.

Исәнбәт Н. С. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы: 3 томда. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2010.

Исхаков Р. Р. Религиозный синкретизм и традиционная обрядность татар-кряшен Волго-Уралья (XIX — начало XX в.). Сборник материалов и документов / Авторы-сост.: Х. З. Багаутдинова, Р. Р. Исхаков. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015.

Каюм Насыри. Сайланма әсәрләр. Ике томда. II том. — Казан, 1974.

Катанов Н. Ф. Качинская легенда о сотворении мира (записана в Минусинском округе Енисейской губернии на качинском наречии тюркского языка 2 июня 1890 г.) // ИОАИЭ при Императорском Казанском университете. — Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. — Т. XII. — Вып. 2. — С. 185.

Коблов Я. Д. Мифология казанских татар. — Казань: Типография Императорского университета, 1910.

Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). — СПб.: Петербургское востоковедение, 2013.

Культ святых в исламе: специфика универсального / А. Г. Селезнев и др. — М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Мифологический словарь алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021.

Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Советская энциклопедия, 1980–1982. В 2 томах. — Т. 1. А — К. — 672 с.; Т. 2. К — Я. — 720 с.

Потапов Л. П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // СЭ. — 1991. — № 5. — С. 79–86.

Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О. Г. Большакова, А. Х. Монгайта. — М.: Гл. ред. вост. лит., 1971.

Гыйльманов Г. Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1996–1999.

Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / Төз. С. М. Гыйләжетдинов. — Казан, 1987.

Татар халык ижаты: 25 томда. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. 1 т.: Мифология / Төз., текст, иск. һәм анл. әзерл., кереш сүз авт. Л. Х. Дәүләтшина. 2021.

Татар халык ижаты: 25 томда. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. 2 т.: Обрядовый фольклор / Төз., текст, иск. һәм анл. әзерл., кереш сүз авт. Л. Х. Дәүләтшина. 2022.

Татарское народное творчество: в 15 т. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. — Т. 8: Дастаны.

Урманчеев Фатых. Героический эпос татарского народа. — Казань: Тат. книж. изд-во, 1984.

Примечания

1. Исәнбәт Н. С. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы: 3 томда. — 2-нче басма. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. — 277 б. (слово «бетте» Н. Исәнбәт объясняет как «возникло», «выросло»).

2. Здесь и далее, если не указано другое, перевод автора.

3. Катанов Н. Ф. Качинская легенда о сотворении мира (записана в Минусинском округе Енисейской губернии на качинском наречии тюркского языка 2 июня 1890 г.) // ИОАИЭ при Императорском Казанском университете. — Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. — Т. XII. — Вып. 2. — С. 185.

4. Дәүләтшин Г. М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. — 201–202 б.

5. По мнению Потапова Л. П., Со — древнее государство, в котором проживал народ сяньби. Входившие в состав сяньби племя топа (тоба) называли Со-Лу, т.е. варвары. (Потапов Л. П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // СЭ. — 1991. — № 5. — С. 79–86.)

6. Цигу — одно из наименований племен, связанных с этногенезом енисейских киргизов.

7. Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О. Г. Большакова, А. Х. Монгайта. — М.: Гл. ред. вост. лит., 1971. — С. 43.

8. Урманчеев Фатых. Героический эпос татарского народа. — Казань: Тат. книж. изд-во, 1984. — С. 116.

9. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального / А. Г. Селезнев [и др.]. — М.: Изд. дом Марджани, 2009. — С. 84–85.

10. Культ святых в исламе: специфика универсального / А. Г. Селезнев и др. — М.: Изд. дом Марджани, 2009. — С. 92.

11. Головной убор в виде треугольного платка из различных материй, который входил в состав старинного костюма татарки.

12. Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Советская энциклопедия, 1980. — Т. 1. — С. 374.

13. Шамаиль (от араб. качество, достоинство) — настенное панно с каллиграфически выполненными кораническими текстами, орнаментальными, видовыми (святые места, мечети и др.) и символично-сюжетными изображениями.

14. Бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим — фраза «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного», с которой начинаются почти все суры Корана. Ее произносят во время молитвы, перед началом любого важного дела и т. п.

15. Мифологический словарь алтайцев / сост. Н. Р. Ойроткина. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. — С. 161.

16. Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). — СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. — С. 221.

17. Ныжы — название болезни.

18. Уважаемая всеми женщина-мусульманка: 1) организующая совершение различных религиозных обрядов, сопровождаемых чтением молитв и Корана; 2) занимающаяся с детьми и женщинами, преподающая основы ислама.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ДАВЛЕТШИНА Л. Х.

ОТ АЛЫПА ДО ШУРАЛЕ

Таинственные персонажи татарской мифологии

Художник А. Тимергалина

Руководитель проекта О. Ро

Редактор М. Николаева

Дизайн-макет Н. Данильченко

Технический редактор Л. Синицына

Корректор П. Шевнина

Компьютерная верстка М. Быковский

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.06.2025.
Формат 64×94¹/16. Бумага офсетная. Гарнитура «CharterITC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,65.
Тираж 3000 экз. О-MIF-34671-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	АЗБУКА Баспасы ЖШҚ —
обладатель товарного знака КоЛибри	КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы АЗБУКА Баспасы
в г. Санкт-Петербурге	ЖШҚ филиалы
191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

В этой серии вышли книги:

Готовятся к публикации книги о героях мордовской, башкирской, балтийской, славянской мифологии, а также о волшебных, сказочных персонажах других стран.